РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 14. 3-го Апрѣля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“: МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

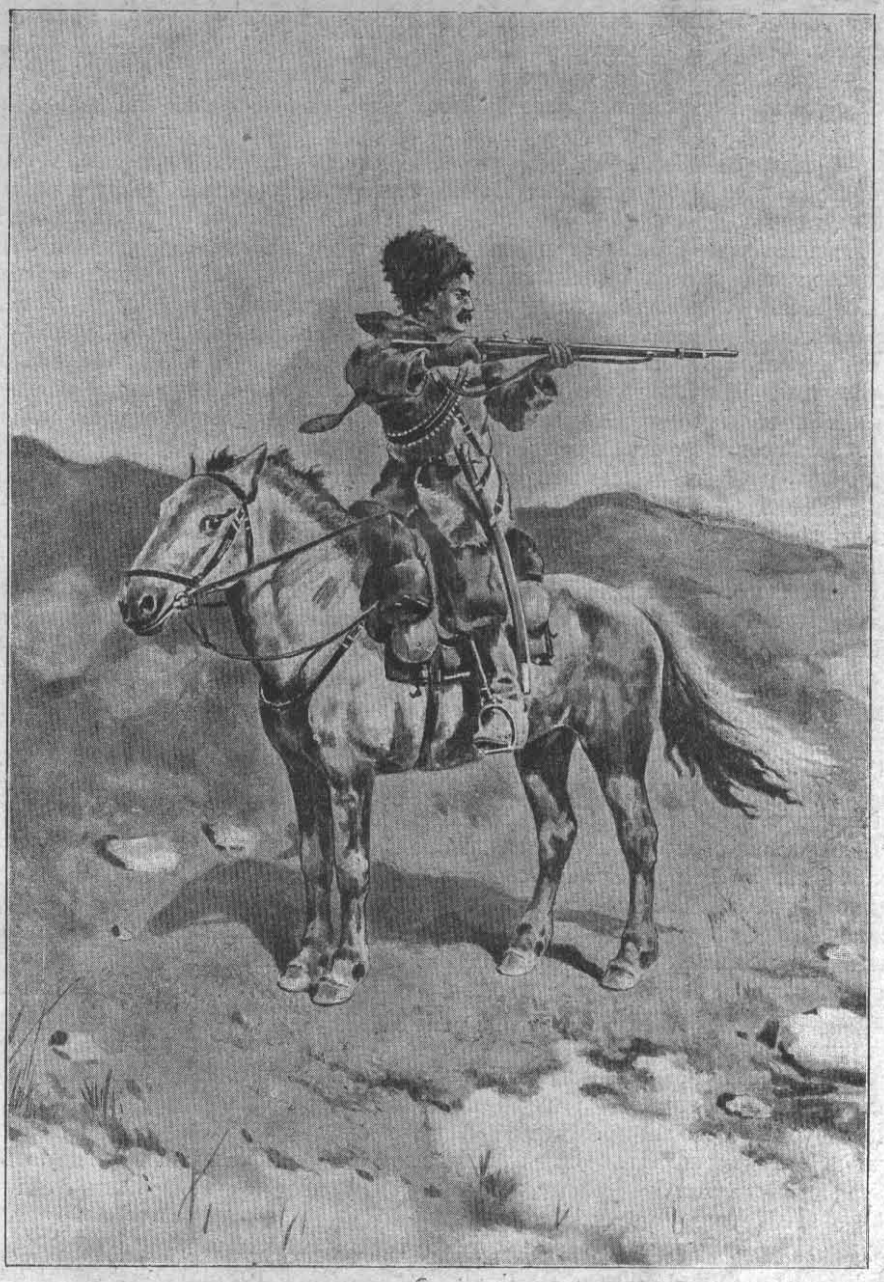
(Продолженіе.)

ЛИСАФА невольно усмѣхнулась и отвѣтила:

— Вотъ именно тамъ. Живетъ-ли у нихъ какой Башкировъ, знать это я не могу, а живетъ въ палатахъ княжьихъ семья, зовутъ Завьяловыми. И вотъ должна ты разыскать такую колдунью. Кромѣ того, должна ты или самолично познакомиться съ семьей Завьяловыхъ, а не хочешь, эту самую колдунью къ нимъ подошли. И все это нужно за тѣмъ, чтобы уговорить Завьяловыхъ, ради своего счастья, малость самую поколдовать, навести, что нужно, наговоръ какой на самое княгиню Елизавету Петровну Ягузинскую. А лучше всего, если-бы не наводить на нее ничего, а поколдовать чѣмъ-нибудь видимымъ. А то это плеваніе да надуваніе на воду или на кофейную гущу, это все пустое. А есть у колдуній другія средства, есть всякія снадобья, есть корешки или травки. Ты, можетъ, объ этомъ и не слыхала никогда?

Старуха улыбнулась большимъ беззубымъ ртомъ, который разъѣхался до ушей, и на мгновеніе стала похожа, Богъ вѣсть, на что, такъ что Лисафу даже покоробило.

— Нѣтъ, родная моя, не то, что я не знаю, а сама этимъ дѣломъ занималась. Теперь, вотъ годковъ будетъ десять, почти бросила все, умирать пора, а грѣха-то и такъ на душѣ довольно, чтобы еще подбавлять. Но если ужъ кому нужно, то я по добротѣ отказать не могу. Ты такъ разъ попала, куда слѣдуетъ, тебѣ другой такой, какъ я, во всей Москвѣ не найти насчетъ всѣхъ этихъ цѣловъ. Ты вотъ слыхала только, что есть корешки, а я ихъ знаю всѣ. Есть разрывъ-трава, есть пахутъ-трава, есть любъ-трава, есть благая-трава, есть корень-золъ, корень-



ВРАГА ПОДЖИДАЕТЪ. Оригин. рисун. Э. Сулиманъ-Грудзинскаго.

дряхъ, корень-размилъ. Да и мало-ли всѣхъ этихъ корешковъ да травъ! Въ цѣлый день не перечтешь. А знать ихъ всѣ дѣйствія еще мудренѣе. Что отъ какого корешка или отъ какой травы можетъ приключиться человѣку — это, сударушка моя, всю жизнь свою учи и то насилу выучишь. А я вотъ это все знаю и не только знаю, а у меня отъ прежнихъ годовъ кое-что еще, поди, и осталось. Приди въ другой разъ, я тебѣ всѣ эти травы и корешки покажу.

— Нѣтъ, на что мнѣ, — отозвалась Лисафа, — и не нужно, да и не любопытно. Мнѣ нужно, чтобы вотъ ты-ли или кто отъ тебя дѣло устроили, да и дѣло то не мое, а чужое, я—совсѣмъ сторона. И вотъ, стало быть, ты за все и возьмись, и скажи, что тебѣ за все будетъ полагаться, какая благодарность?

— Это, что твоя милость будетъ.

— Что-же рублей пять, что-ли?

— Какъ твоя милость, хоть и пять.

— Ну, вотъ что, Авдотьюшка, я сама положу десять рублей, только сдѣлай все.

Старуха-сморчекъ при этихъ словахъ какъ-то оживилась и даже выпрямилась. Съ тѣхъ поръ, какъ она жила на свѣтѣ, конечно, никогда никто непредлагалъ ей такихъ страшныхъ денегъ за самое пустое дѣло. Козюля выпрямилась, заговорила какъ-то горячо, бодро и зачастила:

— Все сдѣлаю, сударушка моя, и отвѣчаю, что все будетъ въ исправности. Только ты мнѣ все-таки опять скажи, какъ и что нужно.

— Ну, бабушка, такое, что въ двухъ словахъ можно разъяснить. Должна ты, какъ тамъ уже знаешь, сама познакомиться съ Завьяловой, Анной Тихоновной, и съ ея братомъ, пожалуй, и съ ея сыномъ. Должна ты у нихъ выпытать, какое у нихъ есть дѣло важное. Но полагаю, что коли ты пойдешь къ нимъ да побываешь разъ, другой, третій по какой ни на есть причинѣ, да полюбишься имъ, то они и сами тебѣ разскажутъ то, что у нихъ на умѣ, о чемъ они теперь и денно, и нощно думаютъ да Богу молятся. Да, впрочемъ, я тебѣ впередъ скажу. Думаютъ они о томъ, чтобы женить сына на богатѣйшей дѣвицѣ. И вотъ, разузнавъ у нихъ все, разузнавъ, что дѣло то ладится, то не ладится, ты вотъ этой Аннѣ Тихоновнѣ и предложи свое какое средствіе, какой-нибудь такой корешокъ или травку, чтобы поколдовать. Ну, хотя-бы вотъ ты сказывала, есть такой корешокъ, чтобы человѣка заставить любить себя. Есть, вѣдь?

— Какъ-же? Любъ-трава.

— Ну, вотъ ты ей и предложи получить эту самую любъ-траву для того, чтобы смягчить сердце или околдовать, что-ли, самое княгиню Елизавету Петровну, чтобы она всей душой къ ней была и все ея дѣло наладилось-бы черезъ княгиню. И главное, бабушка, пойми, главная-то сила будетъ только въ одномъ: Анна Тихоновна, про которую я много слыхала, хоть ея самой-то я и не знаю, человѣкъ боязный, отъ колдовства отъ всякаго будетъ отмахиваться и отговариваться, потому что женщина она робкая: скажетъ—и грѣхъ-то, и боюсь, и все такое. И вотъ главная сила въ томъ, бабушка, чтобы ты ее усовѣстила всячески, расписывала турусы на колесахъ, или цѣлый огородъ нагородила, какъ говорится, но чтобы она непремѣнно у тебя снадобье твое взяла и колдовать надъ княгиней согласилась. Сумѣешь-ли ты?

— Полагаю, что сумѣю.

— Ты, бабушка, пойми: кто къ тебѣ самой идетъ и проситъ поколдовать, то тутъ что-же, тебѣ только согласиться, а въ эдакомъ дѣлѣ выходитъ наоборотъ, ты должна свое колдовство заставить принять и имъ попользоваться, да вдобавокъ человѣка боязнаго и глупаго. Такъ вотъ какъ ты эту Завьялову уговоришь, коли она упрется? „ни за что на свѣтѣ“, — скажетъ? Что ты сдѣлаешь?

— Ужъ этого я ничего не знаю, сударушка. Тамъ видно будетъ, когда я ее повидаю своими глазами и распознаю, что она за человѣкъ. Коли, говоришь, богобоязненная, то я инако съ ней возьмусь. Люди глупые болтаютъ, что всѣ эти колдованія якобы, прости Господи, отъ искусителя людского—дьявола; а я говорю, враки—это, ничего грѣховнаго тутъ нѣту; я ей какой-нибудь корешокъ дамъ съ молитвой, да и заставлю эпитимью на себя наложить, поклоны земные класть, съ молитвой мою травку въ руки брать и съ молитвой класть. И все-то это будетъ самое божеское, а не то что, прости Господи, дьявольское. Мы съ ней къ тремъ обѣднямъ и къ тремъ вечернямъ пойдемъ. Она у меня прежде попостится, а потомъ исповѣдуется да причастится, а потомъ ужъ мою травку возьметъ и попользуется ей.

— А какое-же, собственно, вороженіе? пить дать княгинѣ?

— Нѣтъ, зачѣмъ, причемъ тутъ питье? Питье для хворости, а для эдакаго дѣла совсѣмъ оно непригодно. Она эту самую травку пускай только положитъ гдѣ поближе къ княгинѣ, а всего лучше въ постельку подъ подушку, денька на три. Княгиня-то травки не увидитъ: не сама-же она себѣ постель постилаетъ, а дѣвка, которой это дѣло будетъ препоручено, пущай молчитъ. Эта самая твоя Завьялова пусть пообѣщаетъ ей что-нибудь за молчаніе.

Лицо Лисафы оживилось настолько, что даже глаза заблестѣли сильнѣе.

— Вотъ, вотъ! — почти вскрикнула она. — Вотъ это самое! Ужъ умна ты, бабушка, такъ ты умна! удивительно! умнѣе и надумать ничего нельзя. Я полагала, что другой наговоръ какой или эту самую травку заваривать надо да пить давать, а что ты надумала, то много умнѣе. Такъ и надо, взять эту травку и положить княгинѣ подъ подушку. Ужъ такъ это умно, бабушка, такъ умно, что я и въ себя не приду.

И, дѣйствительно, Лисафа ликовала. То, что она услыхала, ее какъ-будто поразило, какъ нѣчто изумительно подходящее. Она и думала про себя:

„Да, эдакое старуха надумала, что, сто лѣтъ продумай, лучше не выдумаешь“.

Однако, помолчавъ немного, она снова нахмурилась и выговорила, уже отчасти задумчиво и съ сомнѣніемъ въ голосѣ:

— Такъ-то такъ, бабушка, лучше нельзя, да вотъ на чемъ можно опростоволоситься. Какъ ты уговоришь эту Завьялову? согласится-ли она? А коли и согласится на колдованіе, то хватитъ-ли у нея храбрости эту твою травку положить подъ подушку княгини? Побоится она, что тогда дѣлать? Вѣдь, не тебѣ-же ее класть, тебя въ опочивальню къ княгинѣ не пустятъ.

— Да ей незачѣмъ самой класть подъ подушку, пущай она какую изъ дворовыхъ горничныхъ на это возьметъ, подаритъ что хорошее. Всякая дѣвка согласится.

— Ну, ладно. Такъ вотъ тебѣ впередъ уговорены десять рублей; зачинай дѣйствовать и подай Богъ тебѣ успѣха.

XXXI.

Авдотья Козюля недаромъ прожила на свѣтѣ восемьдесятъ лѣтъ и недаромъ слыла за женщину съ не-

хорошимъ дѣломъ на душѣ, преступленіемъ, а равно занималась всю свою жизнь колдовствомъ.

Отпустивъ отъ себя невѣдомую ей женщину, оставившую ей огромныя деньги, десять рублей, на которыя старуха могла прожить безъ всякихъ лишеній цѣлый годъ, Козюля наняла молодца за одинъ алтынъ— разыскать палаты князя Ягузинскаго, разыскать въ нихъ барина Башкирова и передать ему, что Авдотья проситъ его непремѣнно къ ней пожаловать по важному дѣлу, причемъ она обѣщается его угостить.

Башкировъ, конечно, обѣщался быть непремѣнно и, собравшись къ старухѣ, все-таки не утерпѣлъ и замѣтилъ женѣ:

— И что ты чудишь? Я разыскалъ старую вѣдьму, ты у ней была, а она за мной посылаетъ.

— Полно ужъ тебѣ размышлять, дѣлай, что нужно,— сурово отозвалась Елизавефа. — Помни только одно: узнай хорошенько, когда она будетъ проѣзжать къ Завьяловымъ, чтобы я сидѣла дома да какъ-нибудь ей не попалась на глаза. Тогда все дѣло пропало. А, второе, зайдетъ если разговоръ о той гостьѣ, которая у нея была и ей десять рублей дала, то, понятное дѣло, ты и знать не знаешь. А то ты сдуру, пожалуй, скажешь что-нибудь лишнее, а она—старуха умная, по одному слѣду звѣря разыщетъ. А главное, помни, что начнетъ она тебя выспрашивать, будетъ говорить то-же, что и мнѣ говорила, я отзывалась невѣдѣніемъ, потому что я семейства князя Ягузинскаго не знаю, а ты живешь у него въ домѣ, стало быть, все знаешь. Вотъ ты ей все и разскажи, чтобы она знала, сколько мы знаемъ.

— Да ужъ это я слышалъ отъ тебя.

— Слышалъ, такъ вотъ еще послушай, чтобы не напутать.

Башкировъ побывалъ у старухи и просидѣлъ часа два.

Козюля не сказала ему, что у нея была барынька, поручила ей дѣло и дала десять рублей. Объ этомъ старуха, конечно, предусмотрительно не обмолвилась ни единымъ словомъ, но зато она объявила Башкирову, что проситъ объ одолженіи разсказать ей въ малѣйшихъ подробностяхъ, какъ живутъ, поживаютъ Ягузинскіе, кто у нихъ живетъ, есть-ли такая семья, прозывается Завьяловы и кто такіе.

И Башкировъ подробнѣйшимъ образомъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Уже описавъ все и всѣхъ, приведя малѣйшія мелкія обстоятельства, отвѣчая на вопросы старухи-колдуньи, цѣли которой онъ самъ не могъ понять, онъ, уже собираясь уходить, выговорилъ:

— А самый этотъ молодецъ Узинскій, пожалуй, будетъ княземъ Ягузинскимъ.

Старуха, несмотря на свою дряхлость, привскочила на мѣстѣ и закричала:

— А? что?

Башкировъ началъ объяснять.

— Да, какой-же ты! Господь съ тобой, про это-то и не сказалъ. Ахъ, Ты, Господи! Вотъ люди-человѣки! Какъ-же это ты сидѣлъ тутъ сколько времени, сколько мнѣ выложилъ, а про главное-то ничего и не сказалъ? Какъ-же мать-то прозывается Завьяловой, а сынъ-то прозывается Узинскимъ?

Башкировъ долженъ былъ опять усѣсться и уже на этотъ разъ разсказать всю исторію сближенія покойнаго князя Григорія Григорьевича Ягузинскаго съ дѣвицей Завьяловой, а затѣмъ и то обстоятельство, что если-бы не страшная смерть князя, то эта Завьялова была-бы, конечно, теперь княгиней Ягузинской, а ея сынъ княземъ Ягузинскимъ.

Выслушавъ все, старуха закачала головой.

— Ай, Господи! Вотъ какое дѣло! Не пророни ты ненарокомъ трехъ словъ при прощаніи, какъ-бы я что ни дѣлала, все напутала-бы. Теперь, вѣдь, все инако обстоитъ, разница большая.

— Да какая-же разница, бабушка? — усмѣхнулся Башкировъ.

— То-то ты молодъ сильно, ничего не понимаешь.

— Это я-то молодъ? Мнѣ, бабушка, шестьдесятъ лѣтъ, почитай, а коли нѣтъ, такъ скоро будетъ. Хорошаго молодца выискала!

Черезъ два дня послѣ посѣщенія Башкирова во дворѣ дома князя Ягузинскаго появилась, едва тащась, съ клюкой въ рукѣ, маленькая, сгорбленная старушка, на видъ такая, что дворня, пропуская ее, чуть не отплевывалась.

— Чистая вѣдьма, — говорили многіе.

Разспросивъ, гдѣ живутъ Завьяловы, старуха вошла въ домъ и, встрѣтивъ перваго дворовaго лакея, попросила его доложить барынѣ Аннѣ Тихоновнѣ, что ея старая знакомая пришла ее провѣдать.

Анна Тихоновна, конечно, приняла старуху, но лицо Козюли настолько не понравилось ей, что она и не рада была, что пустила ее. Но нѣсколько словъ, сказанныхъ старухой, магически подѣйствовали на Завьялову. Она преобразилась, ласково улыбаясь, усадила старуху и стала спрашивать, чѣмъ ее угощать. Анна Тихоновна пришла въ такое радостное, почти восторженное настроеніе, въ какомъ давно не бывала.

Такой случай можно было-бы уже прямо назвать колдовствомъ со стороны старухи. А, между тѣмъ, дѣло объяснялось очень просто: Авдотья Козюля спросила, помнитъ-ли Анна Тихоновна Авдотью Ильиничну Козельскую. Завьялова отвѣчала, что такое имя вспомнить не можетъ. Тогда старуха объяснила, что какъ-то давно, идя изъ родного города къ святымъ мѣстамъ, она остановилась въ вотчинѣ князя Григорія Григорьевича Ягузинскаго, гдѣ всѣмъ заправляла, какъ-бы настоящая княгиня, она сама, Анна Тихоновна. И она, молодая и красивая, обожаемая княземъ, была ко всѣмъ ласкова, обласкала точно такъ-же и ее, Авдотью, оставила у себя ночевать, накормила и напоила, и дозволила ей отдыхать трое сутокъ.

Анна Тихоновна ничего этого не помнила, такъ какъ, дѣйствительно, много такихъ странниковъ и странницъ прошло черезъ вотчину и со всѣми она одинаково бывала ласковой и щедрой, какъ и всѣ помѣщицы.

Если старуха помнила ее хорошо, то Анна Тихоновна, конечно, немогла ничего упомнить о странницѣ.

Но упоминаніе о самой свѣтлой порѣ ея жизни, упоминаніе одного имени князя Григорія Григорьевича заставило Анну Тихоновну преобразиться. Видя предъ собой старуху, которая когда-то якобы видѣла князя, видѣла вотчину, было для нея чудное воспоминаніе, которое, разумѣется, на нее сильно подѣйствовало.

И бесѣда зашла, конечно, о добротѣ, о красотѣ и обо всякихъ ангельскихъ свойствахъ покойнаго князя Григорія Григорьевича. Старуха сознавалась, что плохо помнитъ вотчину, плохо помнитъ и лицо покойнаго князя, но зато хорошо помнитъ Анну Тихоновну и даже теперь узнала-бы, если-бы встрѣтила въ Москвѣ. А затѣмъ хорошо она помнитъ маленькаго мальчика-красавца. Авдотья спросила, живъ-ли онъ.

— Слава Богу! здравствуетъ! — воскликнула Анна Тихоновна, — и я тебѣ его покажу, если зайдешь другой разъ. Теперь онъ отлучился.

— Непремѣнно зайду, и не разъ зайду, ты—моя

благодѣтельница. Въ моихъ странствіяхъ ко Гробу Господню и къ разнымъ святымъ мѣстамъ никогда-никогда такъ ласково меня никто не принималъ. Пока жива, помнить буду. Ты, вѣдь, мнѣ тогда и денегъ дала на дорогу... Непремѣнно приду, какъ только позволишь.

Старуха ушла отъ Анны Тихоновны и, уже по ея просьбѣ, обѣщалась быть черезъ два дня.

Возможность говорить о князѣ, о лучшей порѣ ея жизни сдѣлала то, что Анна Тихоновна проводила старушку черезъ весь дворъ до воротъ и расцѣловалась съ ней, какъ если-бы знала ее много лѣтъ.

„Вотъ ужъ Богъ послалъ“, — подумала она, возвращаясь въ домъ.

Дѣйствительно, Аннѣ Тихоновнѣ не приходилось никогда говорить о покойномъ князѣ. Съ братомъ она говорить не могла, потому что онъ почти не видѣлъ князя, Никуша тоже не помнилъ отца. Съ княгиней и съ княземъ говорить, конечно, и не приходилось, и было неудобно. Оставалось только одно — вспоминать про себя все былое. А тутъ вдругъ нашлась чужая старуха въ Москвѣ, съ которой можно отвести душу, можно съ ней говорить хоть всякій день все объ одномъ и томъ-же.

„Да, — думалось Аннѣ Тихоновнѣ, — она его, моего незабвеннаго, видѣла, помнитъ. Вотъ ужъ мнѣ ее Богъ послалъ въ утѣшеніе“.

Черезъ дня два Авдотья Козюля, дѣйствительно, снова появилась въ гостяхъ у Завьяловой и просидѣла еще дольше. Бесѣда шла только объ одномъ, о князѣ Григоріи Григорьевичѣ. Старуха теперь повторяла уже то, что слышала наканунѣ отъ самой Анны Тихоновны. Женщина, забывъ, что сама-же разсказывала что-либо, ахала, восторгалась и говорила:

— Вотъ-вотъ, именно. И какъ это ты запомнила?

Вскорѣ Козюля снова появилась у своей новой пріятельницы и на этотъ разъ Анна Тихоновна, поговоривъ немного о покойномъ князѣ, заговорила уже о себѣ и о сынѣ и, конечно, откровенно разсказала все, что было насущнымъ, важнымъ дѣломъ. Авдотья Козюля выслушала все внимательно и стала выспрашивать.

— Чего-же ты, сударушка, смущаешься? что ничего не выгоритъ, что дѣло не наладится?

— Вѣстимо! Мало-ли что можетъ случиться. Князь желаетъ, а вотъ княгиня, какъ сказываетъ мнѣ не она сама, а живущая тутъ въ домѣ ея любимица барская-барыня, не желаетъ. Княгиня, выходитъ, со мной лукавитъ, говоритъ мнѣ, что ей тоже все это по душѣ, что князь измыслилъ, а Елизавефа Давыдовна, любимица княгини, божится и клянется, что княгиня хитритъ и что она совсѣмъ противъ желанія князя идетъ.

— Стало быть, вся сила, — отозвалась Авдотья, — въ томъ, чтобы повернуть сердце княгини въ свою сторону, заставить ее и тебя, и твоего сынка полюбить?

— Вѣстимо, такъ. Да нешто это возможно, бабушка? Насильно никому милъ не будешь.

— И, полно, сударушка, глупости сказывать! Всякаго человѣка можно къ себѣ оборотить и противъ себя поставить и все это отъ насъ-же зависитъ... Только въ Бога вѣруй.

— Какъ-же такъ? — удивилась Анна Тихоновна.

— Да такъ, вѣруй въ Бога, и все тебѣ будетъ. За какое дѣло ни возьмется человѣкъ съ молитвой, всякое это дѣло должно наладиться. Ужъ я знаю, недаромъ я чуть не сто лѣтъ на свѣтѣ живу. Ты можешь сдѣлать такое, что княгиня станетъ къ тебѣ и тѣломъ, и душой во всякомъ дѣлѣ.

— Да какъ-же такъ?

— Да ужъ такъ... я тебя научу. Спѣшить нечего, буду у тебя въ будущій разъ и все тебѣ, какъ слѣдуетъ, разъясню. Мы съ тобой вмѣстѣ и возьмемся — молитвой, да еще кое-чѣмъ, что у меня, на твое счастье, отъ святыхъ мѣстъ сохранилось, мы все дѣло-то и наладимъ. Слыхала-ли ты, что, кто ходилъ ко Гробу Господню, тотъ завсегда съ собой приносилъ всякіе такіе святые образки и крестики, и мало-ли что: и ладонки, и корешки, и вѣточки, и кусочки отъ Креста Господня, и всякое такое?

— Да слыхала, какъ-же нѣтъ? у меня даже и теперь есть крестикъ, который мнѣ аѳонскій монахъ далъ.

— Ну, вотъ и у меня кое-что есть такое... такое самое пустое на видъ, а оно-то совсѣмъ святое, почитай, святѣе, чѣмъ иная икона.

— А что такое?

— А вотъ принесу, покажу. Ахнешь! Простая травка, травка такая свѣжая, что только въ руки возьми, такъ чувствуешь, какъ тебя Божій страхъ разбираетъ. И вотъ за всѣ твои прежнія ласки я тебѣ ее дамъ и научу я тебя, какъ поступать. Коли не лѣнива молиться, то все у насъ на ладъ пойдетъ.

— Что ты? какъ можно, бабушка? Я Господу Богу молюсь, сколько могу, а нужно будетъ вдвое и втрое буду молиться. Я всей душой рада; по ста, по двѣсти поклоновъ земныхъ буду класть, какъ ни почемъ. Что мнѣ за дѣло, что спина заболитъ? Я для моего Никуши на все пойду; вѣстимо, на все хорошее, а не худое.

— Понятное дѣло, сударушка! Нешто можно на что грѣховное идти ради родного дѣтища? И Богъ накажетъ, и счастья никакого не будетъ. Худое и врагу не надо дѣлать, потому оно — грѣхъ, а своему кому родному, да близкому, — это что-же хорошаго? безъ ума надо быть.

И старуха ушла довольная. Порученье барыньки, давшей большія деньги, было исполнено: Завьялова дала свое согласіе послушаться во всемъ.

XXXII.

Сборы князя въ Петербургъ продолжались долго.

— Питеръ — не Калуга! Д-да, надо подумать! Шутка-ли? — это повторялось чуть не ежедневно.

Если-бы не внѣшній толчекъ, быть можетъ, Андрей Григорьевичъ въ цѣлый годъ не собрался-бы выѣхать.

Но однажды онъ узналъ, что во всей Москвѣ много толковъ и пересудовъ о томъ, что онъ страшно разматываетъ состояніе опекаемой имъ богачки-дѣвушки. Явившійся однажды Миничъ, тоже испуганный городскими толками, посовѣтывалъ князю или остепениться, или тотчасъ заняться дѣломъ, которое называлъ „спасительнымъ“.

— Ступайте въ Питеръ безъ проволочекъ, хлопочите, — сурово заявилъ онъ, — а тамъ тотчасъ-же женитe князя Никиту Ягузинскаго на Зоричъ и затѣмъ дѣлайте, что хотите, у всѣхъ ротъ будетъ заткнутъ. Невѣсты больше не будетъ богатѣющей, и завистниковъ не будетъ, и доносовъ не будетъ, а теперь одинъ уже есть!

Князь испугался не на шутку и энергично собрался изъ Москвы въ два дня времени.

— Ступай, ступай, съ Богомъ. Молодецъ ты у меня! — проводила мужа Елизавета Петровна.

По отъѣздѣ князя, домъ какъ-будто немного притихъ. Но жизнь пошла своимъ чередомъ. Башкировы и Завьяловы продолжали жить своими тайными затѣями, грезами и хлопотами.

Третьяковская галлерея въ Москвѣ. **МОЛОДАЯ МАТЬ**. Съ картины **И. А. Пелевина** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

Анна Тихоновна смущалась и робѣла, хотя старуха и предлагала молитвенное, божеское средство повліять на княгиню Елизавету Петровну. Добросовѣстной Аннѣ Тихоновнѣ какъ-бы претило дѣйствовать тайно. Если-бы можно было дѣйствовать совершенно явно, открыто, то Завьялова пошла-бы на все, лишь-бы совѣсть не корила ея. Но дѣйствовать хотя-бы и божескимъ способомъ, но тайно ото всѣхъ, было противъ ея природы.

Завьялова попросила у старухи Козюли разрѣшенія повѣдать о своемъ намѣреніи брату и сыну. Старуха возстала противъ этого, говоря, что всякая тайная молитва скорѣе доходитъ до Господа Бога и что, во всякомъ случаѣ, довѣрять какую-либо свою тайну мужчинѣ, а тѣмъ паче молодому малому, невозможно. По ея мнѣнію, Антонъ Тихоновичъ можетъ проболтаться со знакомыми, а Никуша и вовсе зря брякнетъ первому встрѣчному.

Между тѣмъ, старуха стала бывать чаще, а Анна Тихоновна начала готовиться къ своему божескому дѣйствію. Началось оно съ поста. Анна Тихоновна почти ничего не пила и не ѣла, ходила ко всѣмъ церковнымъ службамъ, а дома утромъ и вечеромъ клала по полусотнѣ поклоновъ.

Черезъ нѣсколько дней слабая здоровьемъ женщина уже сильно перемѣнилась. Всѣ замѣтили это и спрашивали, не хвораетъ-ли она. Женщина отвѣчала всѣмъ какъ-то странно, опускала глаза, будто дѣйствительно хворала, но про эту хворость сказать не хотѣла.

Затѣмъ Завьялова исповѣдывалась и причастилась. Тотчасъ послѣ этого постьи и оклоны прекратились, и черезъ день или два она выглядѣла уже бодрѣе и лицо у нея стало, по выраженію нѣкоторыхъ, совсѣмъ хорошее.

— Вотъ что значитъ добрый человѣкъ да причастится, — говорили дворовые. — У злого человѣка послѣ исповѣди и причастія бываетъ на лицѣ перемѣна, да не надолго. А вотъ у такихъ, какъ Анна Тихоновна, лицо помолодѣло, совсѣмъ дѣвичье.

Въ тотъ-же день Козюля явилась и передала Завьяловой маленькую божескую травку, завернутую въ розовую бумажку.

Между тѣмъ, Башкирова хотя и бывала изрѣдка у Завьяловыхъ, видѣла, какъ приходила и уходила Козюля, но, какъ и что творилось, она знать не могла.

(Продолженіе будетъ.)

Незамѣтная жертва.

Разсказъ В. В. Муйжеля.

I.

ОФИЦЕРЪ Яхонтовъ захворалъ Нѣсколько безсонныхъ ночей, нерегулярное питаніе—результатъ случайной покупки чего придется отъ китайцевъ на передовой линіи, нѣсколько вылазокъ, во время которыхъ ему, вмѣстѣ съ командой охотниковъ, приходилось то брести чуть не по-поясъ въ снѣгу, то мерзнуть цѣлыми часами при холодномъ, пронизывающемъ вѣтрѣ, лежа въ томъ-же снѣгу,—все это подломило его крѣпкое и, казалось-бы, уже закалившееся за нѣсколько мѣсяцевъ войны здоровье. Нѣсколько пріемовъ хины, двѣ спокойно проведенныя ночи въ условіяхъ болѣе комфортабельныхъ, чѣмъ выкопанная въ землѣ и едва прикрытая вверху землянка, съ подобіемъ печи посреди нѣ—одна изъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ въ оттепель на полу собирается вода, течетъ съ потолка, капаетъ со стѣнъ, а въ морозъ все это замерзаетъ, отчего получается пронизывающій, знобкій холодъ,—нѣсколько пріемовъ нормальной горячей пищи,—все это, несомнѣнно, поправило-бы его организмъ, но ничего этого не могло быть. До главной квартиры, гдѣ можно получить хину, было далеко, спать приходилось мало, такъ какъ отвѣтственность за отрядъ заставляла порою вставать ночью, провѣрять секреты, смотрѣть, есть-ли у солдатъ топливо и вѣрна-ли смѣна часовыхъ. А питаніе... относительно питанія ему всегда вспоминалась фраза жившаго съ нимъ въ одной землянкѣ подпоручика Лехновскаго, который всегда по этому вопросу заявлялъ, что «если сегодняшній день прожили, такъ, надо полагать, и до завтрашняго дотянемъ». О своемъ питаніи некогда было заботиться: надо было смотрѣть, чтобы солдаты хоть были во-время накормлены и напоены, чтобъ они не терпѣли нужды, особенно подрывающей въ суровые манчжурскіе морозы.

Нѣсколько дней Яхонтовъ перемогался. Съ тяжелой головой, въ которой непрестанно стоялъ однообразный и ровный шумъ—результатъ повышенной температуры,—со слабымъ и дряблымъ тѣломъ, то въ жестокомъ ознобѣ, отъ котораго ничѣмъ нельзя было избавиться и никакъ не согрѣться, то въ жару, когда при морозѣ въ пятнадцать градусовъ лобъ покрывался испариной, вызывавшей еще большую слабость—онъ выползалъ изъ своей землянки, осматривалъ позицію, ходилъ въ передовую линію къ цѣпи секретовъ. Но съ каждымъ днемъ это становилось все тяжелѣе и труднѣе, силы падали, ознобъ и жаръ повторялись чаще, и, наконецъ, онъ понялъ, что ему надо отлежаться. Все, что до сихъ поръ онъ дѣлалъ самъ, онъ возложилъ на Лехновскаго и, зная исполнительность, честность и усердіе этого молодого, недавно произведеннаго офицера, почти не безпокоился о томъ—все-ли будетъ сдѣлано такъ, какъ надо. Въ каждомъ сомнительномъ случаѣ Лехновскій обращался къ нему и онъ видѣлъ, что этотъ юноша не щадитъ ни своего здоровья, ни покоя для того, чтобы Яхонтовъ былъ спокоенъ. Но онъ все-таки боялся оставить позицію безъ себя и уѣхать въ главную квартиру, въ лазаретъ. Боялся не потому, чтобы не вѣрилъ Лехновскому, а просто потому, что отъѣздъ его могъ скверно отозваться на настроеніи солдатъ; къ тому-же—мало-ли чего не бываетъ!—можетъ произойти что-нибудь неожиданное, японцы могутъ подвинуть линію своихъ окоповъ ближе, тогда ихъ надо выбивать—безъ него, пожалуй, по неопытности Лехновскій растеряется.

Яхонтовъ лежалъ въ своей землянкѣ, прислушивался къ говору солдатъ за стѣною, къ ходьбѣ у двери, къ рѣдкимъ гулко раскатывающимся выстрѣламъ гдѣ-то въ отдаленіи и, весь отдавшись тянущему ощущенію недомоганья, не могъ понять—происходитъ-ли это все на самомъ дѣлѣ, или ему только кажется: и этотъ говоръ и шаги, и отдаленные выстрѣлы. Порою онъ какъ-бы забывался въ легкой дремотѣ, недолгой и прерывающейся, отъ которой было трудно очнуться и въ которой дѣйствительность въ странныхъ и удивительныхъ комбинаціяхъ путалась съ міромъ грезъ и фантазій. Всѣ звуки настоящей, окружающей его жизни тогда смягчались и расплывались, и превращались въ странную и дивную гармонію, гдѣ темпъ когда-то и гдѣ-то слышаннаго вальса сливался съ отзвукомъ забытыхъ рѣчей близкихъ и милыхъ лицъ, потомъ изъ всего этого образовывались бурный военный маршъ, трескъ разрывающихся снарядовъ, свистъ шрапнели, стоны людей, крики, вопли—и опять все это тухло и на смѣну являлась нѣжная и тихая, какъ жужжанье комара, мелодія какой-то грустной, родной пѣсни. Тогда Яхонтовъ широко открывалъ глаза, приподымался на койкѣ и, сбросивъ полу шинели, которою онъ былъ укрытъ, удивленно и напряженно смотрѣлъ предъ собою. Предъ нимъ была темная земляная стѣна, покрытая переливающимся и играющимъ всѣми цвѣтами радуги иней, маленькій квадратъ прорубленнаго окна, за которымъ сверкалъ залитый солнцемъ снѣгъ, двигались фигуры солдатъ, виднѣлась двухколесная повозка походной кухни. Онъ осматривался по сторонамъ, видѣлъ койку Лехновскаго, его чемоданъ, сѣрую тужурку на ней, видѣлъ очагъ самодѣльной, слѣпленной изъ глины солдатами, печурки и снова опускалъ голову. И едва только онъ закрывалъ глаза—откуда-то издалека, словно изъ другого міра, сначала робко и едва слышно, потомъ все громче и смѣлѣе, начиналъ приближаться все тотъ-же настойчивый и красивый вальсъ, съ твердымъ, выдержаннымъ темпомъ, звучными переходами и эффектными варіаціями. И въ этотъ вальсъ—тоже какъ-будто издалека и тоже вначалѣ едва слышно—ввивался знакомый и нѣжный голосъ, серебристый смѣхъ, такой веселый и задорный, что Яхонтовъ самъ начиналъ улыбаться. И, какъ-бы связанные какими-то таинственными и неразрывными нитями съ этимъ молодымъ смѣхомъ, со звукомъ рѣчи и вальса,—изъ темноты, окружавшей его, постепенно начинали выдвигаться свѣтловолосая голова, дѣтскіе искристые глаза, мягкія круглыя щечки, которыя такъ любилъ Яхонтовъ щекотать своими усами, когда обладательница ихъ сидѣла у него на колѣнахъ.

Плотно сжавъ вѣки глазъ и весь сосредоточившись на этомъ образѣ, Яхонтовъ начиналъ упорно вслушиваться въ непрестанно звучащій смѣхъ. Яхонтовъ слушалъ и ждалъ, что сейчасъ явится другой образъ, не менѣе любимый, и онъ услышитъ другой голосъ. И дѣйствительно—черезъ нѣсколько времени за русой дѣтской головкой вырисовывалось грустное лицо женщины и онъ слышалъ ея голосъ. Онъ даже разбиралъ слова... Напряженно вслушиваясь, онъ ловилъ фразы и силился понять ихъ. Иногда ему это удавалось—и, успокоенный, онъ тихо улыбался улыбкой счастливаго человѣка. Но темпъ вальса, мягкій и медленный, начиналъ ускоряться и дѣлаться отрывистымъ и бурнымъ. Яхонтовъ удивленно прислушивался—и вдругъ замѣчалъ, что это—уже не вальсъ, а маршъ, звучный и неудержимый, и не одинъ маршъ, а трескъ выстрѣловъ, свистъ пуль, громыханье орудій. Длинная зеленовато-пепельная пелена ненавистныхъ мундировъ лѣзетъ на брустверъ, махаетъ штыками, что-то кричитъ.

— Впередъ! Впередъ, ребята!—не своимъ голосомъ вскрикиваетъ Яхонтовъ и, безъ воли, безъ мысли, съ однимъ неудержимымъ чувствомъ врѣзаться въ эту сѣро-зеленую волну, опрокинуть, отбить ее, бросается въ самую гущу, и другая волна, волна сѣрыхъ шинелей, стремительно несется за нимъ.

Но вдругъ все это мѣшается, путается и опять въ тишинѣ, его окружающей, звенитъ тонкая, какъ жужжанье комара, грустная пѣснь.

«Ахъ, да какая-же это пѣснь, гдѣ я ее слышалъ, гдѣ?»—мучительно силится вспомнить Яхонтовъ, но не можетъ и открываетъ глаза.

Та-же разубранная изморозью стѣна, та-же четыреугольная дырка окна въ ней, черезъ которую виденъ бѣлый, нестерпимо сверкающій подъ солнцемъ снѣгъ, походная кухня съ высокой желѣзной трубой, какія ставятъ на самовары, весело притоптывающія съ холоду фигуры солдатъ въ сѣрыхъ шинеляхъ и башлыкахъ.

«У меня бредъ,—думаетъ Яхонтовъ и опять закрываетъ глаза,—это скверно».

И опять откуда-то издали медленно, но равномѣрно, начинаетъ приближаться опредѣленными, звучными темпами вальсъ.

II.

Лехновскій вошелъ въ землянку и вмѣстѣ съ нимъ въ дверь ворвался клубъ бѣлаго пара. Закутанный въ башлыкъ, обиндевѣвшій и озябшій, подпоручикъ долго развязывался и раскутывался и только, когда остался въ мундирѣ и обтеръ замерзшіе и превратившіеся въ комъ льда усы, получилъ способность говорить.

— Василій Егорычъ, какъ вамъ? хуже?—спросилъ онъ, потирая озябшія руки и ежась отъ холода.

Яхонтовъ открылъ глаза и равнодушно посмотрѣлъ на него. Голосъ Лехновскаго показался ему страшно далекимъ и беззвучнымъ, и надо было сдѣлать большое усиліе, чтобы понять, что тотъ говоритъ.

— Все то-же,—медленно отвѣтилъ онъ, попрежнему вглядываясь въ офицера, и тотчасъ-же замѣтилъ, что и его собственный голосъ звучитъ какимъ-то чужимъ и незнакомымъ звукомъ, какъ-будто говорилъ не онъ, а кто-то другой и притомъ издали.

— Вамъ-бы въ лазаретъ, Василій Егорычъ, на время хотя, пока эта лихорадка пройдетъ,—говорилъ Лехновскій, набивая трубку, которую курилъ за неимѣніемъ гильзъ и времени для набивки папиросъ.

— Пустяки, отлежусь, полежу дня два и встану, какъ встрепанный,—промолвилъ Яхонтовъ и опять съ удивленіемъ замѣтилъ странную вещь: какъ-будто говорилъ не онъ, а онъ только слушалъ и слѣдилъ за неожиданно появляющимися словами.

— А у насъ новости,—продолжалъ Лехновскій, раскуривъ трубку и пуская клубъ дыма,—сегодня придется ночью пройтись съ охотниками...

— А что?

— Да изъ секретовъ донесли, что они подвинулись еще ближе. Стали окапываться такъ близко, что разговоръ можно слышать. Надо прогнать назадъ.

— Надо,—безучастно согласился Яхонтовъ.

— Сегодня ночью сдѣлаемъ это... Что-то изъ главной квартиры давно ничего не было... И генералъ не ѣдетъ что-то... Чего хуже нѣтъ,—говорилъ, между тѣмъ, подпоручикъ,—это ждать—неизвѣстно, чего... Сиди тутъ, забившись въ землянкѣ, и жди, а чего—неизвѣстно! Только и развлеченіе, что ночныя нападенія да гаолянъ собирать... Курьезъ съ этимъ гаоляномъ: солдаты за сборомъ идутъ безъ оружія, а то, говорятъ, они стрѣлять начинаютъ. И они тоже выходятъ безъ оружія, вмѣстѣ иногда и собираютъ... И ничего, довольно добродушно другъ съ другомъ обходятся. Не нужно никакихъ международныхъ конвенцій для этого, сами рѣшили, что безъ топлива зимою никакъ обойтись невозможно. Я ходилъ разъ съ ними для любопытства—потѣха! Многіе японцы говорятъ по-русски, ну, во время сбора разговариваютъ съ нашими солдатами.... Ходитьто въ одно мѣсто приходится, между ихъ и нашими позиціями. Даже табачкомъ другъ у друга одолжаются! Да вы спите, кажется?

— Нѣтъ, я слушаю васъ... Такъ, табачкомъ, говорите?—очнулся Яхонтовъ.

— Да, японцы еще водкой угощаютъ. Солдаты пили, говорятъ—ничего, только кисловата будто...

Лехновскій умолкъ и сталъ раскуривать свою потухающую трубку.

Вечеръ уже спускался. Въ землянкѣ замѣтно темнѣло. Въ углахъ уже густился мракъ, клубился у коекъ, возлѣ печки, тусклымъ, сѣрымъ покровомъ затягивалъ потолокъ. За окномъ снѣгъ уже не сверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ, а принялъ лиловатый холодный тонъ. Очевидно, солнце уже скрылось и наступили короткія зимнія сумерки, то промежуточное время, когда нѣтъ свѣта, но нѣтъ и тѣни. Ясное, высокое и блѣдное небо потемнѣло и въ немъ кое-гдѣ уже затрепетали холоднымъ, острымъ блескомъ далекія звѣзды. Но онѣ едва только проглянули и свѣтлый еще сравнительно тонъ неба скрадывалъ ихъ яркость. Солдаты зажгли костры и, сбившись около нихъ кучками, примолкли. Далекіе раскаты отрывочной перестрѣлки на лѣвомъ флангѣ тоже затихли и наступило холодное мертвое молчаніе, какъ-будто замерзшая земля готовилась встрѣтить имъ холодную, морозную ночь.

Лехновскій задумчиво потягивалъ трубку, поглядывалъ на безмолвно лежавшаго Яхонтова и думалъ. Онъ думалъ о томъ, какъ весело и интересно пройдутъ праздники тамъ, далеко, въ Россіи, и о томъ, какъ скучно и непріютно ихъ ожидать здѣсь. И, думая обо всемъ этомъ, онъ думалъ о Яхонтовѣ и его болѣзни.

«Не дай Богъ, тифъ — будетъ тогда исторія», — мелькало у него въ головѣ, въ то время какъ онъ прислушивался къ затрудненному и хриплому дыханію офицера.

Яхонтовъ лежалъ навзничь, широко раскинувъ руки и закинувъ голову; очевидно, пароксизмъ болѣзни съ новой силой налегъ на него, лицо его пылало сухимъ жаромъ, все тѣло было, какъ въ огнѣ. Изрѣдка Яхонтовъ шевелилъ губами и Лехновскій не могъ разобрать, шепчетъ-ли Яхонтовъ что-нибудь, или ему это кажется. Разъ онъ наклонился надъ лицомъ Яхонтова — оно было строго и возбужденно, словно Яхонтовъ видѣлъ что-то или собирался сказать что-то важное и не могъ.

— Василій Егорычъ? — окликнулъ его подпоручикъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, иду, сейчасъ, вотъ только...—зашепталъ Яхонтовъ и заметался на койкѣ.

— Лежите, лежите, что вы,— успокаивалъ его Лехновскій, заботливо укрывая одѣяломъ и шинелью,— лежите спокойно...

Онъ опять присѣлъ на свою койку и задумался. Стемнѣло совсѣмъ. Сѣрыя тѣни ползли по полу, окутывали предметы, путали очертанія. Знакомыя, давно уже примелькавшіяся въ глазахъ вещи принимали новый, неизвѣстный до сихъ поръ видъ и казались чѣмъ-то невѣдомымъ и незнакомымъ. И фигура Яхонтова, лежавшаго на койкѣ, тоже перемѣнилась. Складки шинели, которою былъ покрытъ онъ, придавали ей что-то тяжелое и неподвижное, будто изваянное изъ камня. Далеко вытянувшійся конецъ одѣяла страшно удлинялъ ее, и казалось, что на койкѣ лежитъ не Яхонтовъ, а какое-то огромное безжизненное тѣло, котораго Лехновскій прежде никогда не видѣлъ. Онъ смотрѣлъ на лицо больного и не узнавалъ его. Это не было давно уже примелькавшееся, издавна знакомое лицо Яхонтова, на которомъ были извѣстны каждая черта и каждая складка, нѣтъ,— то смутное бѣлое пятно съ черной полосою длинныхъ усовъ и огромными темными впадинами на мѣстѣ глазъ поражали подпоручика своимъ новымъ, строгимъ и неподвижнымъ выраженіемъ. Онъ напряженно, не отрываясь, смотрѣлъ на него—и холодное чувство какого-то мистическаго страха заползало въ его душу, словно онъ взглянулъ въ лицо смерти. И отъ этого чувства, отвязаться отъ котораго Лехновскій не имѣлъ силы, онъ понялъ внезапно и ясно, какъ-будто ему это сказалъ кто-нибудь посторонній, что Яхонтовъ обязательно умретъ. Отъ этой мысли страхъ начиналъ превращаться въ ужасъ, болѣзненный и жалкій, безпомощный и жестокій.

Вдругъ Яхонтовъ зашевелился и быстро сѣлъ. Широкими страшно блестящими глазами, въ которыхъ какъ-бы собрался весь внутренній жаръ, палившій его тѣло и мозгъ, онъ осмотрѣлся кругомъ и, встрѣтивъ лицо Лехновскаго, остановился на немъ.

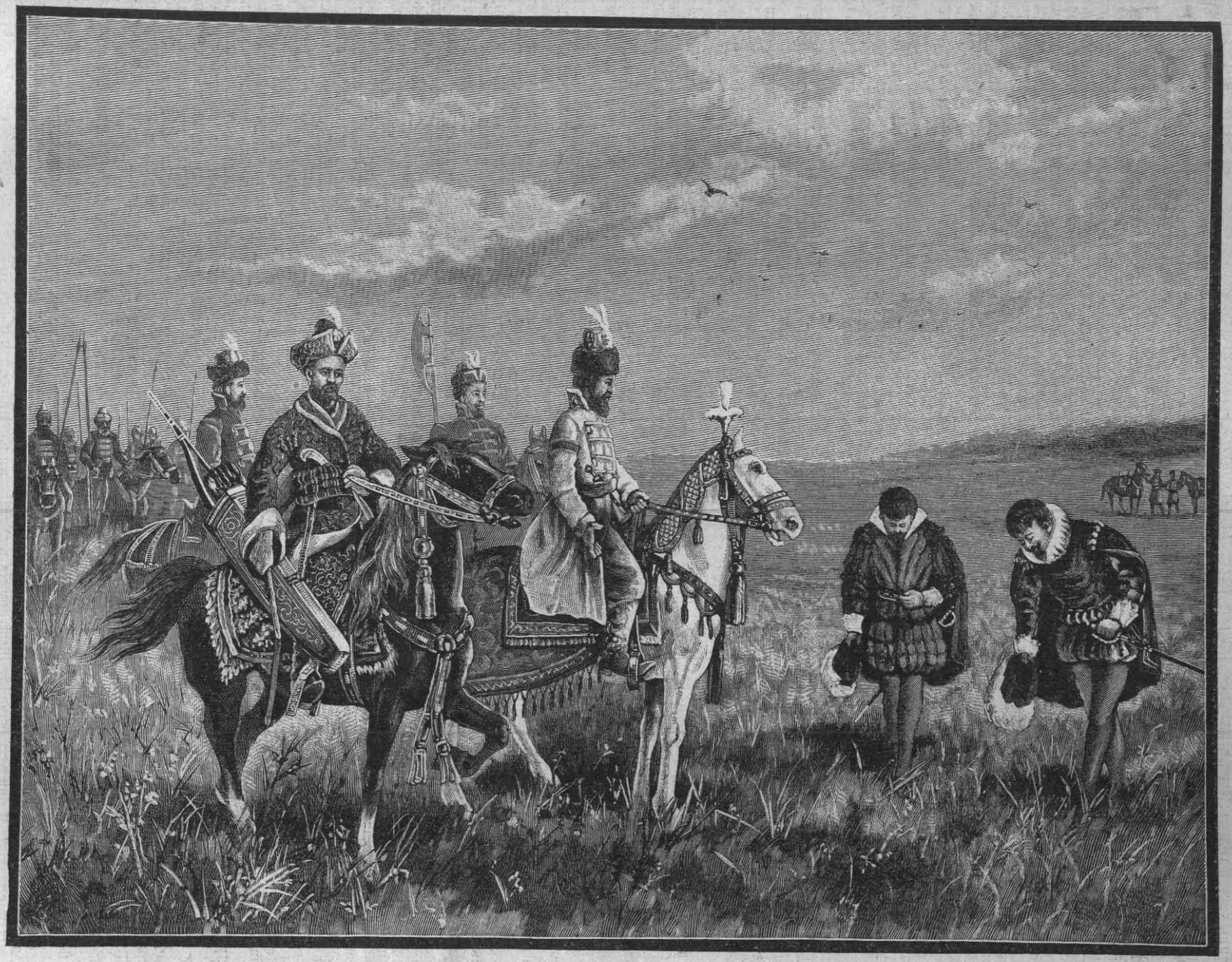
Нѣкоторое время онъ молчалъ, беззвучно шевеля губами, словно искалъ силы въ присохшемъ горлѣ для голоса.

— Лехновскій, у васъ есть семья?— спросилъ онъ, наконецъ, глухимъ и гулкимъ голосомъ, странно прозвучавшимъ въ тишинѣ землянки.

Подпоручикъ дрогнулъ и отвѣтилъ не сразу.

— Семьи нѣтъ, есть тетка, которая замѣнила мнѣ мать. Я — сирота, — проговорилъ онъ.

Яхонтовъ опять пошевелилъ губами и помолчалъ. Потомъ онъ внезапно заговорилъ, такъ-же глухо и гулко, торопясь, словно ему было некогда:



ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ПРИНИМАЕТЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОСЛОВЪ НА ОХОТѢ.
Ориг. рисун. **М. Озерова**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

КУМУШКИ. Съ картины профес. **К. Вирушъ-Ковальскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

— А у меня есть... У меня есть жена, и дочь Катя... маленькая, бѣлоголовая... Ей девять лѣтъ... Она уже въ приготовительный классъ ходитъ... Да, есть... Онѣ теперь тамъ остались. Вы понимаете? Однѣ! А я здѣсь и... умираю...

Лехновскій опять дрогнулъ отъ неожиданности, съ какою было сказано это слово, и, смущенный ею, пытался возразить.

— Полноте! что вы?—проговорилъ онъ,—это такъ... Вы поправитесь.

— Оставьте эти глупости... Я знаю!—упрямо крикнулъ Яхонтовъ, глядя прямо ему въ глаза своимъ блестящимъ, воспаленнымъ взоромъ,—я умираю... Это ясно... Вы думаете, это меня страшитъ? Глупости, вы сами знаете, что смерти я не боюсь. Не разъ встрѣчался съ нею лицомъ къ лицу. Это—ерунда!.. Сегодня-ли, завтра—все равно. Но знаете-ли, знаете-ли вы, какой ужасъ и въ чемъ онъ?.. Не въ томъ, что умереть, нѣтъ, не въ томъ даже, что онѣ останутся однѣ... что дѣлать? онѣ этого ждутъ, а прожить—проживутъ онѣ и безъ меня: у нихъ есть кое-что да пенсія будетъ... но знаете-ли вы, въ чемъ подлость смерти сейчасъ? Вѣдь, вы подумайте только—сколько разъ, сколько случаевъ было мнѣ умереть подъ Тюренченомъ, подъ Ляояномъ, наконецъ, здѣсь во время вылазокъ, артиллерійскихъ боевъ, перестрѣлокъ, сшибокъ... Тысячи разъ я могъ попасть подъ пулю, подъ снарядъ, наконецъ, подъ штыкъ или саблю—и нѣтъ, я остался живъ. И вдругъ теперь, когда я совсѣмъ былъ здоровъ, не раненъ, не царапнутъ, не контуженъ даже.... вдругъ теперь умереть... отъ чего-же? отъ какой-то лихорадки, тифа, горячки, чертъ знаетъ, отъ чего. Вы подумайте только, какая безжалостность, какая оскорбительная, обидная безжалостность смерти взять меня не въ честномъ бою, для котораго я пріѣхалъ, не впереди своихъ солдатъ, какъ подобаетъ честному офицеру, а въ землянкѣ, въ норѣ! И отъ чего-же? отъ простуды! Умереть такъ, какъ умираетъ изнѣженный баричъ, когда на гулянкѣ простудитъ себѣ ножки! Вы поймите только, что за обидное, горькое, страшное, больное чувство—умирать военному во время войны, когда каждая сила, каждый офицеръ, каждый человѣкъ на счету, въ то время, когда тысячи умираютъ отъ пуль, снарядовъ, ранъ—умирать отъ того, что простудился!.. О, чертъ возьми, чего-бы не далъ я, чтобы броситься теперь въ самую кучу враговъ, быть прострѣленнымъ, проколотымъ, раздырявленнымъ, разорванным, но только не лежать въ этой дырѣ на койкѣ и медленно, тягуче, подло умирать отъ горячки! Умеръ отъ простуды! Ха-ха-ха...

Онъ захохоталъ дикимъ, безумнымъ смѣхомъ, отъ котораго у Лехновскаго пробѣжалъ морозъ по кожѣ. Потомъ онъ сразу умолкъ, откинулся опять на подушку и закрылъ глаза. И снова, какъ прежде, откуда-то издали послышался ритмическій, плавный, знакомый вальсъ, нѣжный и отрадный, какъ воспоминаніе отдаленнаго дѣтства. Онъ звучалъ долго и красиво, блестящіе переходы смѣнялись неожиданными фіоритурами, темпъ то замедлялся, то ускорялся и таялъ, а на смѣну мелодіи слышался журчащій, задорный смѣхъ, блистали дѣтскіе глазки, мелькало грустное женское лицо... Потомъ все это уплывало, огненная звѣздочка ракеты вспыхивала въ окружающемъ мракѣ, грохотали орудійные залпы, трещали ружья и, подъ звуки громкаго, бурнаго марша, тысячи желтолицыхъ и узкоглазыхъ людей, что-то орущихъ, падающихъ и махающихъ ружьями и саблями, сшибались съ тысячами сѣрыхъ шинелей и гремѣло перекатистое, мощное «ура»—и тухло, а на смѣну ему звенѣла нѣжная, какъ ласка любимаго человѣка, невыносимо грустная пѣсня. Отъ этой пѣсни хотѣлось плакать и метаться, и слезы закипали въ сердцѣ, и было больно, жалко и обидно... Потомъ опять все снова путалось—плылъ темпъ вальса, потомъ выстрѣлы, потомъ опять пѣсня.

И какъ-будто изъ другого міра, словно съ неизмѣримой вышины, Яхонтовъ услышалъ стукъ двери, почувствовалъ острую струю морознаго воздуха и понялъ чьи-то слова:

— Ваше благородіе, охотники готовы, пора идти! Изъ секретовъ прислали сказать, что совсѣмъ къ имъ подобрался анаѳема!

Потомъ слышалась возня, шуршало платье, голосъ Лехновскаго сказалъ: «завяжи башлыкъ сзади... крѣпче, крѣпче стягивай», опять хлопнула дверь и все смолкло. И только черезъ нѣсколько минутъ, а можетъ быть, и часовъ—Яхонтовъ услышалъ мѣрный скрипящій звукъ шаговъ многихъ людей по мерзлому снѣгу. И все затихло, замерло и утонуло въ окружающемъ его мракѣ.

Больше онъ ничего не слышалъ.

КОНЕЦЪ.

Лебединая пѣснь.

Полно, сердце мое, надрываться тоской!
Необъятно всеобщее горе...
Не помочь, не развѣять намъ скорби мірской.
Полно, сердце, болѣть, надрываться тоской,—
Малой каплей великаго моря...
Много стоновъ и слезъ, много крови и мукъ
И вблизи, и вдали насъ бушуетъ;
Много къ небу простерто о помощи рукъ;
Много стоновъ и слезъ, много крови и мукъ...
Всюду зло на просторѣ пируетъ!
Полно, сердце мое... Уже близокъ покой...
Грудь устала... нѣтъ воли и силы;
Все разбито, все взято юдолью земной...
Полно, сердце, болѣть... уже близокъ покой;
Мы уже у преддверья могилы...

Ив. Касаткинъ.

Окно на чужой дворъ.

(Провинціальная картинка.)

Разсказъ **М. Э. Никольскаго.**

(Окончаніе.)

ЕТРЪ Михайловичъ днями и ночами сидѣлъ дома и не спускалъ глазъ съ окна, теперь постоянно задернутаго занавѣской.

Однажды Петръ Михайловичъ рѣшился на крайнее средство. Во что-бы то ни стало, ему нужно поговорить съ Полей. И вотъ уже за полночь, когда въ домѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ, онъ приставилъ къ завѣтному окну лѣстницу и быстро взобрался по ней до слегка развѣвавшейся занавѣски.

Было жаркое лѣто, и Поля не закрывала своего окна. Петръ Михайловичъ приподнялъ занавѣсь, и предъ нимъ мелькнуло едва прикрытое тѣло молодой дѣвушки. Онъ нѣкоторое время любовался ею, но влѣзть въ комнату не рѣшился.

— Поля, Полечка! Проснитесь... Полечка!

Молодая дѣвушка въ испугѣ поднялась на кровати.

— Ай-ай! кто здѣсь? что надо?

— Полечка! Успокойтесь, это—я... это—я... Комовъ. Я хотѣлъ поговорить съ вами.

Она, наконецъ, узнала голосъ Петра Михайловича.

— Что вамъ здѣсь надо? какъ вамъ не стыдно? Что-же это за гадость такая! Я сейчасъ буду кричать.

— Полноте, Полечка, вѣдь, дурного вы отъ меня ожидать не можете. Я пришелъ лишь объясниться съ вами. Вѣдь, на всѣ мои письма я не получилъ ни строчки...

— Что вамъ надо отъ меня? Вы-же знаете, вѣдь, что я—невѣста другого.

— Вотъ объ этомъ-то я и пришелъ поговорить, Полечка! Что-же вы со мной-то дѣлаете? Люблю-же я васъ отъ всей души, жить безъ васъ не могу!

Горькая улыбка мелькнула на губахъ дѣвушки.

— Что-же вы свою руку, что-ли, пришли предлагать мнѣ?

Петръ Михайловичъ смѣшался и не зналъ, что отвѣтить.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вы объ этомъ не думали, да и ваша мамаша вамъ не позволитъ. А вотъ потѣшиться съ дѣвушкой отчего-же,—это вы всѣ, мужчины, любите. Вотъ и бѣгу я отъ васъ, благо человѣкъ встрѣчается, что замужъ беретъ. Не каменная, вѣдь, и я, тоже сердце имѣю. А отдайка я его вамъ,—что будетъ? Любовницей быть или содержанкой вашей я не хочу. О чемъ-же вы думаете-то?

— Полечка, да за кого вы выходите-то! Вѣдь, потаскался онъ, пьяница, мотъ.

— Вотъ онъ—и пьяница, и негодный человѣкъ, а меня замужъ беретъ, а вотъ вы—и хорошій, да поиграть мной только хотите. Грѣхъ вамъ, Петръ Михайловичъ, надъ моимъ сердцемъ шутить! Развѣ я сама муки не чувствую?

Она упала на постель и зарыдала.

Юноша не выдержалъ и однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ.

— Поля, Поля, Поленька,—говорилъ онъ, обнимая дро-

жавшую дѣвушку,—не плачь, моя милая, не плачь, моя хорошая. Вѣрь мнѣ, не бывать этому браку! Брось все это. Не отдамъ я тебя никому. Вотъ клянусь тебѣ, что только одна ты будешь моею женою!

— А маменька ваша, Прасковья Ѳедоровна?

— Маменька! Ея воля, но въ этомъ я ее послушаться не могу. Не стану я губить свое счастье! Лучше жены мнѣ не найти! Что мнѣ деньги? Какъ она хочетъ, а если не позволитъ она мнѣ на тебѣ жениться, уйду я. Бревна таскать буду, а буду жить отдѣльно.—Выраженіе опасенія мелькнуло въ его глазахъ.—А пойдешь-ли ты такъ за меня? Не промѣняешь-ли это бѣдное существованіе на богатство Горбунова?

Поля обвила шею Петра Михайловича своими обнаженными руками и довѣрчиво прильнула къ нему всѣмъ станомъ.

— Милый, да, вѣдь, ты и не знаешь, какъ люблю-то я тебя. Вѣдь, и замужъ-то я шла, тебя боялась. Вижу, ты на мнѣ не женишься, маменька твоя не позволитъ, а уже устоять мнѣ противъ тебя и силы нѣтъ—такъ ты мнѣ полюбился. Не на богатство я льстилась, а чтобы себя соблюсти. Чужой-то женой легче отъ соблазна устоять. А, вѣдь, дѣвушкой-то—своя воля, а волю мою ты давно, милый, забралъ...

Петръ Михайловичъ осыпалъ ее горячими поцѣлуями.

— Вотъ клянусь тебѣ предъ святой иконой, что завтра-же я скажу маменькѣ, что женюсь на тебѣ.

Внезапно она взглянула на себя и зардѣлась, какъ заревo.

— Ай-ай, уходи отсюда! Господи, что я за срамница, на что это похоже!

— Милочка, да, вѣдь, ты со мной, вѣдь, я—твой мужъ будущій.

— Нѣтъ, нѣтъ, Петинька, уходи скорѣй отсюда. Стыдно мнѣ, да и не слѣдъ мнѣ это допускать.

Петръ Михайловичъ горячо поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и полный восторга и счастья спустился по лѣстницѣ на свой дворъ, рѣшивъ утромъ-же поговорить объ этомъ съ матерью.

Но утромъ, часовъ около восьми, Петра Михайловича разбудила встревоженная Прасковья Ѳедоровна.

— Петя, Петинька, вставай... Горбунова-то, вѣдь, почти на-смерть зарѣзали.

Онъ вскочилъ, спросонья не понимая даже ея словъ.

— Какъ? Горбунова на-смерть зарѣзали? кто, когда?

— Да на разсвѣтѣ сегодня. Я вотъ только сейчасъ узнала. Разбойники къ нему забрались, топоромъ его ухнули. Грабить было стали, да Пелагея-то, жиличка его, жениться-то на которой онъ хотѣлъ, услыхала это и крикъ подняла. Ворыто ничѣмъ попользоваться не успѣли, но самъ онъ очень плохъ. Ужъ и жить недолго, говорятъ. Докторъ тамъ у него, нотаріусъ завѣщаніе пишетъ. За нами вотъ прислалъ—прощенья у насъ просить хочетъ. Одѣвайся скорѣе.

Петръ Михайловичъ, не отдавая себѣ сознательнаго отчета во всемъ случившемся, машинально наскоро одѣлся.

При первомъ взглядѣ на Горбунова можно было понять, что это—уже не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Докторъ возбуждающими средствами поддерживалъ его угасающія силы.

— Прости меня, сосѣдка,—сказалъ Горбуновъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, когда та съ сыномъ вошла въ комнату умирающаго; голосъ его прерывался, видимо, ему было очень трудно говорить.—Грѣхъ мой, землю я у васъ неправильно оттягалъ. Законъ, но грѣхъ это. Господь наказалъ. Прости меня!

Прасковья Ѳедоровна прослезилась.

— Господь съ тобой, Иванъ Порфирычъ. — Ты меня прости—ругала я тебя всегда.

— Что, ругала? Знаю, грабителемъ звала. Грабитель и былъ. Прости. За землю тебѣ моя наслѣдница отдастъ.

Горбуновъ съ любовью перевелъ глаза къ плачущей Полѣ.

— Ей я завѣщалъ. Хорошая она дѣвушка, съ ней сочтешься. Изъ озорства бралъ ее за себя. Упрямилась такъ... А я захотѣлъ—значитъ, должно по-моему. Ну, и хотѣлъ жениться... А вотъ какъ предъ смертью, такъ точно просвѣтлѣлъ...

Онъ снова перевелъ духъ и глазами показалъ на лекарство. Ему дали сдѣлать нѣсколько глотковъ. Докторъ хотѣлъ было запретить ему говорить.

— Все равно, смерть вижу... Сказать легче... Просвѣтлѣлъ я... Хочу ей добро сдѣлать. Родные мои богаты. Имъ что! И забудутъ меня, а она не забудетъ. Про....

Онъ не договорилъ и упалъ на подушки.

Докторъ бросился къ Горбунову—тотъ уже былъ мертвъ. Всѣ благоговѣйно молчали.

Началась обычная суета съ похоронами, по которымъ Прасковья Ѳедоровна взяла на себя всѣ хлопоты. Поля только плакала, а Петръ Михайловичъ всѣ дни ходилъ, какъ ошалѣлый.

Наконецъ, торжественныя похороны были кончены. Стали приводить въ порядокъ дѣла покойнаго. Наличныхъ денегъ нашлось мало, но домъ цѣнили въ сорокъ тысячъ. Наслѣдницей всего Горбуновъ предъ смертью назначилъ Полю съ тѣмъ только, чтобы она выплатила четыре тысячи за землю Комовой.

Когда теперь Петръ Михайловичъ заявилъ своей матери, что онъ ни на комъ не женится, кромѣ Поли, то Прасковья Ѳедоровна заговорила уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ: молодая дѣвушка сама была теперь богатой невѣстой. Препятствій къ браку ея съ Петромъ Михайловичемъ не было, и тихая свадьба была отпразднована черезъ полгода траура.

А окно, счастливое окно на чужой дворъ, такъ и осталось не тронутымъ. Только теперь оно уже выходило не на чужой, а на свой собственный дворъ.

КОНЕЦЪ.

Валькирія.

Ночь землю крыломъ осѣняла,
Царила вокругъ тишина,
Надъ полемъ кровавымъ сіяла
Двурогая въ небѣ луна.

Въ доспѣхахъ тяжелыхъ герои,
Сраженные въ битвѣ врагомъ,
Лежали безмолвны, недвижны
На полѣ—для нихъ роковомъ.

И тамъ, среди павшихъ героевъ,
Съ глубокой во взорѣ тоской,
Смертельно израненный воинъ
Томился одинъ молодой.

Глядя равнодушно на небо
И свѣтъ серебристой луны,
Онъ грезилъ все краемъ родимымъ,
Все имя шепталъ онъ жены.

А подлѣ—валькирія-дѣва
Склонялась и пѣла надъ нимъ:
—«О, храбрый! Забудь ты земное,
Земное все—тлѣнъ лишь и дымъ.

Вотъ конь—погляди—мой воздушный,
Онъ вѣтра степного быстрѣй,
Недаромъ онъ взятъ изъ конюшни
Одина, царя всѣхъ царей.

На этомъ конѣ, словно птицы,
Мы къ звѣздамъ умчимся въ лазурь,
Тамъ вѣчны и юность, и радость,
Тамъ нѣтъ ни страданій, ни бурь.

Въ Валгаллу—о, храбрый!—въ Валгаллу!
Въ чертогахъ Одина давно
Герои пируютъ съ богами
И льется рѣкою вино.

Тамъ музыка, пѣсни и пляски,
Чертоги огнями горятъ,
Героямъ лобзанья и ласки
Волшебницы-дѣвы дарятъ.

О, храбрый, забудь ты земное,
Земное все—пепелъ и дымъ...
Въ Валгаллу, скорѣе въ Валгаллу
На пиръ мы любви полетимъ!»

Такъ пѣла валькирія-дѣва,
Но грустно ей воинъ внималъ
И съ мыслью о краѣ родимомъ
И милой женѣ умиралъ.

Вадимъ Баяновъ.

Послѣдніе дни.

Разсказъ Ив. Епифанова.

Кольцо осаждающей арміи сжималось все тѣснѣе и тѣснѣе. Огромныя орудія, какъ допотопныя чудовища, придвигались все ближе и ближе къ осажденной твердынѣ, въ которой засѣли храбрецы и стойко отбивали всѣ нападенія разъяреннаго неудачами врага. Горсть осажденныхъ героевъ порѣшила биться до послѣдней пули, до послѣдняго пушечнаго снаряда, а потомъ дорого продать свою жизнь.

Почти весь городъ былъ разрушенъ выстрѣлами непріятеля, одиннадцатидюймовыя бомбы разбивали каменныя стѣны построекъ, какъ стекло. Во многихъ улицахъ среди обломковъ крышъ, кирпича и желѣза вспыхивалъ огонь — это начинался пожаръ. Подъ градомъ пуль, картечи и шрапнели спѣшили къ мѣсту начинающагося пожара моряки, растаскивали загорѣвшіяся балки, поливали ихъ водой; но, только что потушенный въ одномъ мѣстѣ, пожаръ начинался въ другомъ и бушевалъ, пока не сжиралъ всего, что можно было пожрать.

Усталые, съ лицами, закопченными порохомъ, ходили по улицамъ солдаты, встрѣчались офицеры, — это были тѣ, которые на короткое время пользовались отдыхомъ отъ безпрерывнаго напряженія — отбитія аттакъ непріятеля. Этимъ людямъ, привыкшимъ въ теченіе десятимѣсячной осады ежедневно видѣть предъ собою смерть, не страшны были ни рвущіяся бомбы, ни свистъ пуль и картечи, они не боялись этого смертоноснаго оружія и съ улыбкой смотрѣли, какъ пули и шрапнель впивались въ кое-гдѣ уцѣлѣвшія стѣны.

Вотъ идетъ группа солдатъ. Давно не бритыя лица заросли бородами, сѣрыя рубахи почернѣли, но зато фуражки, хотя и помятыя, у всѣхъ на затылкѣ, что придаетъ солдатскимъ лицамъ какой-то молодцоватый видъ.

— Эй, Панчукъ,—слышится въ группѣ,—куда двинемъ?

— Вали къ греку.

— Далеко!

— Ближе все равно ничего не найдешь.

— Поспѣемъ-ли назадъ-то?

— Вотъ еще! Не будемъ засиживаться.

— А деньги есть?

— Зачѣмъ?

— Такъ, вѣдь, надо расплатиться-то!

— Расписку напишемъ.

— Не повѣрятъ.

— Ну! не повѣрятъ! Не въ первый разъ!

— Такъ, такъ, такъ! Къ греку, такъ къ греку.

А пули жужжатъ и жужжатъ. Навстрѣчу солдатамъ идетъ офицеръ. Непригляденъ его костюмъ — мундиръ обносился, брюки выцвѣли, сапоги стоптаны, папаха кой-гдѣ пооблѣзла, но веселое лицо и твердая походка показываютъ, что это ему положительно все равно.

Солдаты откозыряли.

— Куда, ребята?

— Такъ что, ваше благородіе, къ греку.

— А-а! — улыбнулся офицеръ, — только смотрите, ребята, не засиживаться!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Мы тоже понимаемъ.

— То-то! Да на глаза генералу не попадайтесь.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Солдаты двинулись дальше.

— А чтобъ чертъ твою матку взялъ! — вдругъ слышится крикъ.

— Что съ тобой?— оборачиваются другіе къ крикнувшему и видятъ, какъ онъ, наклонясь, разсматриваетъ свою фуражку.

— Что ты?

— Да чертовы дѣти фуражку прострѣлили!

— Ну, ничего! головѣ легче, потому теперь въ дыры-то продувать будетъ.

— Ха-ха-ха!—смѣются солдаты.

— Вамъ смѣшно! А я теперь отвѣчай за казенную вещь. Ну, пождите! — грозится онъ въ сторону стрѣлявшаго врага и глаза его загораются гнѣвомъ.

Черезъ часъ та-же группа солдатъ направлялась обратно. Шаги теперь были торопливѣе. Еще-бы! Не опоздать-бы къ товарищамъ, съ которыми надо идти на защиту окоповъ.

Подъ брустверомъ толпятся солдаты и живо разбираютъ составленныя въ козлы ружья. Отдохнувшіе выстроились въ шеренгу и ждутъ своего командира. Вотъ и онъ, окруженный группой офицеровъ. Моложавое лицо генерала осунулось, небольшая круглая бородка съ чуть замѣтною просѣдью окаймляетъ острый подбородокъ, умные, выразительные глаза смотрятъ добродушно и ласково. Фуражка съ большимъ козырькомъ надвинута на самый лобъ. Генеральскіе погоны на мундирѣ потемнѣли, да и самъ мундиръ генерала носитъ явные слѣды долгой носки.

Генералъ впереди офицеровъ подошелъ къ выстроившимся солдатамъ.

— Здорово, родные!—прозвучалъ его мягкій голосъ.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Отдохнули, голубчики?

— Такъ точно!—гремѣло въ отвѣтъ.

— Теперь опять, милые, за работу! Поработаемъ на защиту нашей Руси матушки, на защиту ввѣренной намъ крѣпости.

— Рады стараться, ваше превосходительство!

— Знаю, что рады, знаю! на то вы и русскіе! Господа,— обратился генералъ къ офицерамъ,—отведите молодцовъ по тѣмъ траншеямъ, о которыхъ мы уговаривались! Вы,—указалъ онъ на троихъ изъ офицерскаго состава,—пожалуйте со мной, намъ надо еще кой о чемъ поговорить.

— Слушаемъ!—отвѣтили выдѣленные.

— А вы, господа, съ Богомъ. Берегите молодцовъ! Христосъ съ вами, ребятушки!

— Смирно!—раздалась команда,—шагомъ маршъ.

Солдаты размѣреннымъ шагомъ вышли изъ-подъ бруствера и вскорѣ группами разсыпались по траншеямъ.

Долгимъ пристальнымъ взглядомъ проводилъ уходившихъ солдатъ генералъ и грустно покачалъ головой. О чемъ онъ думалъ въ эту минуту, Богъ одинъ знаетъ.

— А вы, господа, — обратился онъ къ оставшимся офицерамъ,—пожалуйте сюда.

И генералъ, идя вдоль бруствера, скрылся съ офицерами въ земляномъ загражденіи, въ которомъ на примитивномъ столѣ были разложены карты и планы. Генералъ склонился надъ ними.

— Итакъ, господа, крѣпость еще крѣпка. Линіи обороны, какъ вы видите, расположены вотъ здѣсь, но намъ необходимо минировать еще вотъ эти и эти пункты, устроить проволочныя загражденія вотъ здѣсь...

Трескъ лопнувшаго снаряда заглушилъ слова генерала, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, несмотря на то, что снарядъ разорвался очень близко и комья земли засыпали столъ съ планами.

— Хорошо пристрѣлялись,—засмѣялся генералъ.

— Не уйти-ли, ваше превосходительство, въ болѣе безопасное мѣсто?

— А гдѣ оно?—съ улыбкой спросилъ генералъ.

Говорившій офицеръ потупился.

— То-то и есть! Эхъ, юноша, юноша!.. Да такъ вотъ проволочныя загражденія...

Но тутъ произошло что-то невѣроятное. Земля задрожала, верхъ земляного загражденія, гдѣ были генералъ и офицеры, раскрылся, раздался адскій грохотъ, что-то рухнуло на землю, мелькнулъ бѣлесоватый огонь и тысячи чугунныхъ кусковъ, шипя, свистя и трескаясь, какъ шмели, разсыпались въ разныя стороны.

— Господа! — успѣлъ крикнуть генералъ и, сраженный осколкомъ, упалъ ничкомъ на землю.

Бывшіе съ нимъ офицеры также были убиты. Къ разрушенной землянкѣ бѣжали солдаты и офицеры впереди ихъ; къ землянкѣ скакалъ и командующій гарнизономъ крѣпости.

Быстро соскочивъ съ лошади, командующій наклонился надъ убитыми и широко перекрестился.

— Убиты,—прошепталъ онъ.

Головы офицеровъ и солдатъ обнажились и всѣ они перекрестились, а сухія, запекшіяся губы шептали: «вѣчная память».

А непріятельскіе снаряды жужжали, свистѣли, ревѣли, рвались и лопались и подъ ихъ градомъ умершему герою солдатами была пропѣта первая «Вѣчная память».

— Хорошій былъ генералъ!—слышалось среди солдатъ.

— Что и говорить!

— Какъ кротъ, рылся.

— На то и анжинеръ.

— Кто теперь его замѣнитъ?

— Н-да!

Тѣла убитыхъ перенесли подальше отъ мѣста катастрофы и покрыли ихъ шинелями.

А бой разгорался. Издалека доносилось «банзай» и гремѣло могучее «ура». Осаждающіе повели аттаку сразу на три фронта. Противникъ, видимо, нащупывалъ болѣе слабыя мѣста, особенно нападая на возвышенность, гдѣ командовалъ одинъ изъ опытнѣйшихъ вождей осажденныхъ, о стойкость войскъ котораго нѣсколько разъ сламливались всѣ предыдущіе штурмы. Надъ русскими героями рвалась шрапнель, но они не подавались и ружейнымъ огнемъ уничтожали живую лавину людей, какъ саранчу, ползущую со всѣхъ сторонъ на форты. Грохотъ сотенъ орудій, тысячи рвущихся снарядовъ, производя страшныя опустошенія, заглушали теперь и «банзай», и «ура».

Японцы, остервенѣлые, полупьяные, дикой ордой лѣзли впередъ, поражаемые выдержаннымъ огнемъ сосѣднихъ батарей и линіи обороны. Это не былъ бой—это была бойня. Тысячи японцевъ валились, какъ подкошенная рожь. Но мертвыхъ, раненыхъ смѣняли новыя волны и все стихійно стремилось впередъ и впередъ,..

Но что это? Защитники твердыни отступаютъ, какъ львы

ВЪ МАНЧЖУРІИ. ВО ВРЕМЯ НЕДАВНЯГО ЗАТИШЬЯ ВЪ ОКОПАХЪ.
Ориг. рисун. **М. Андреева.**

ощетиня штыки, отходятъ они назадъ и въ это время среди нихъ вдругъ появляется командующій гарнизономъ. Бѣлая фуражка съ краснымъ околышемъ съѣхала на затылокъ, мундиръ запачканъ грязью и кровью.

— Здорово, молодцы!—слышится среди грохота его мощный голосъ,—впередъ, удалые.

Блеститъ шашка командующаго и онъ, весь порывъ, мигомъ вскакиваетъ на оставленныя защитниками позиціи.

— Ура! Впередъ!—кричитъ онъ.

И могучее «ура» несется отъ форта до форта, отъ брустверa къ брустверу. Ряды русскихъ смыкаются. Натискъ, и врагъ бѣжитъ, преслѣдуемый выстрѣлами пулеметовъ.

«Этотъ фортъ спасенъ»,—думаетъ командующій, и его орлиный взглядъ устремляется на другіе форты.

Вотъ тамъ, чуть видно среди дыма, качается знамя, падаетъ, но, кѣмъ-то подхваченное, вновь поднимается и медленно-медленно движется назадъ. Отступленіе!..

Командующій уже тамъ, около знамени, и тамъ слышится его властный голосъ:

— Впередъ, молодцы!.. артурцы, за мной!

Снова собираются полки и снова аттака отбита. Сбитый на всѣхъ позиціяхъ врагъ отошелъ, но съ новой ужасающей силой загрохотали непріятельскія орудія, выпуская снаряды въ двадцать четыре пуда вѣсомъ.

Теперь для прицѣла непріятель выбралъ не крѣпость, а городъ. Съ зловѣщимъ шумомъ, шипѣніемъ летятъ одиннадцатидюймовыя бомбы въ городъ, разрушая все, гдѣ только онѣ разрываются.

Вотъ одна попала въ уцѣлѣвшій домъ, надъ которымъ развѣвается флагъ Краснаго Креста. Это—госпиталь съ тысячью раненыхъ. Съ какимъ-то сладострастнымъ шипѣніемъ влетѣла бомба въ одну изъ палатъ, съ грохотомъ ударилась о стѣну и разорвалась.

Ужасъ овладѣлъ больными; всѣ, кто могъ, повскакали съ своихъ кроватей и бросились бѣжать на улицу. Но тамъ было еще хуже. Адъ стоялъ въ воздухѣ.

Доктора, сестры милосердія, фельдшера бросились за своими больными.

— Докторъ!.. Сестрица!..

— Батюшки!—слышалось среди раненыхъ,—пустите насъ на баттареи, пустите въ послѣдній бой! Лучше тамъ умереть, чѣмъ здѣсь, тамъ мы хоть пользу принесемъ.

— Полноте, братцы!.. Перестаньте! И безъ васъ молодцы справятся съ японцами... Успокойтесь! — утѣшали больныхъ доктора, фельдшера и сестры, наскоро перевязывая открывшіяся и вновь нанесенныя раны страдальцамъ.

Это были потрясающія сцены, а врагъ слалъ новые и новые снаряды, разрушая все.

Начинало смеркаться, а наступленіе все усиливалось и усиливалось. Теперь оно шло по всей линіи и отражающимъ было трудно опредѣлить, куда будетъ направленъ главный ударъ.

Вотъ промчался комендантъ крѣпости, во главѣ общаго резерва, на помощь уставшимъ бойцамъ, и бой, рукопашный бой снова разгорѣлся, снова послышалось могучее «ура», послышалась барабанная дробь, звукъ сигнальнаго рожка и потомъ сразу грянула музыка народный гимнъ. Далеко разнеслись торжественные звуки и подъ ихъ величавый мотивъ войска снова двинулись впередъ.

Нервы у всѣхъ притупились, а чувство самосохраненія давно стало всѣмъ чуждо, всѣ привыкли смотрѣть смерти въ глаза и шли на бой, какъ на парадъ, но, несмотря на это, гарнизонъ таялъ, уничтожая врага.

Было около 12 часовъ ночи, когда коменданту крѣпости было передано по телефону, что въ одномъ мѣстѣ японцы прорвались.

— Поручикъ, сію-же минуту распорядитесь вызвать моряковъ!

— Слушаю-съ!

И молодой безусый юноша вихремъ помчался подъ градомъ пуль къ адмиралу.

— Ваше превосходительство,—докладываетъ поручикъ,— комендантъ приказалъ двинуть моряковъ, японцы прорвались.

— Есть!—отвѣтилъ адмиралъ и отдалъ распоряженіе.

Бѣгомъ бросились моряки съ ружьями наперевѣсъ и съ новыми, свѣжими силами ринулись на врага, уже торжествовавшаго побѣду.

Въ какой-то гулъ смѣшались и «ура», и «банзай», слышались лязгъ оружія, тяжелое дыханіе сражающихся, виднѣлся фосфорическій отблескъ разрывавшихся снарядовъ, то и дѣло раздавалась частая трескотня пулеметовъ.

Ночная аттака была отбита. Японцы, видя безполезность своихъ штурмовъ, прекратили огонь, ихъ войска, уцѣлѣвшія, отошли.

Наступило затишье. Командующій вмѣстѣ съ командиромъ объѣзжали войска.

— Спасибо, молодцы!

— Рады стараться! — слышались хриплые, но радостные голоса.

— Храбрецами вели себя! Земно кланяюсь вамъ! Порадовали Батюшку Царя, отъ Его имени еще разъ спасибо вамъ!

Несется «ура» по фортамъ, по траншеямъ, по брустверамъ и замираетъ въ наступившей тишинѣ ночи.

Бой пока конченъ. Надолго-ли?

Наступило утро и артиллерійскій огонь непріятеля начался съ новою силой, съ небывалой до сихъ поръ силою. Обстрѣливаемые японцами форты и горы дымились отъ тысячи снарядовъ, падающихъ на нихъ, но и русскія орудія не оставались въ долгу и слали непріятелю отвѣтныя бомбы. Гремѣла Перепелиная гора, шипѣлъ Электрическій утесъ, трещала Золотая гора.

Все дымилось, выбрасывая изъ жерлъ орудій огонь и снаряды. Но вотъ смолкло одно орудіе, за нимъ другое, выстрѣлы съ русской стороны становятся рѣже и рѣже.

— Ваше превосходительство, — доносятъ коменданту, — снарядовъ нѣтъ.

— Знаю! — угрюмо отвѣчаетъ тотъ.

— Надо добыть!

— Гдѣ?

— Въ арсеналѣ.

— Тоже ихъ нѣтъ.

— Но что-же дѣлать?

— Сейчасъ придетъ командующій гарнизономъ, поговоримъ съ нимъ.

Позвякивая шпорами, вошелъ генералъ; печальная улыбка была на его лицѣ.

— Что дѣлать, ваше превосходительство?

— Держаться!

— Но какъ? снарядовъ нѣтъ.

— Есть ружье со штыкомъ, есть сабли, шашки, тесаки.

— Насъ разстрѣляютъ всѣхъ.

— Не можетъ быть! Жива сила русская, я вѣрю въ нее. Пойдемте, комендантъ.

Оба вышли на обстрѣливаемыя улицы, ихъ тотчасъ окружили офицеры.

— Господа, — обратился командующій къ офицерамъ, — снаряды почти всѣ вышли, приходится защищаться холоднымъ оружіемъ. Передайте это чудо-богатырямъ, я знаю, они поймутъ и грудью защитятъ твердыню, ввѣренную намъ Царемъ и русскимъ народомъ.

Быстро разнеслась вѣсть по осажденному гарнизону объ отсутствіи снарядовъ и солдаты, у которыхъ еще оставались боевые патроны, берегли ихъ и если стрѣляли, то лишь для того, чтобы бить навѣрняка.

А врагъ грозно наступалъ. Его артиллерія не умолкала и подъ ея прикрытіемъ двигались полки къ фортамъ, на которыхъ, ощетиня штыки, ждала ихъ грозная русская рать.

— Банзай! банзай! банзай!—неслось со стороны японцевъ и они, вставая одинъ другому на плечи, лѣзли на стѣну форта, лѣзли для того, чтобы быть проколотыми русскими штыками.

Тысячи полегло ихъ отъ рукопашныхъ схватокъ, легло много и нашихъ, а еще больше было раненыхъ. Гарнизонъ таялъ и таялъ, но и этотъ штурмъ, хотя и цѣною массы выбывшихъ изъ строя, былъ отбитъ, отбитъ со страшнымъ урономъ для японцевъ.

Несмотря на это, всѣ поняли, что дни Портъ-Артура сочтены, что для твердыни наступили послѣдніе дни ея славной одиннадцатимѣсячной обороны.

Во время перерыва боя у всѣхъ, начиная отъ генерала до солдата, на глазахъ блестѣли слезы, невольныя слезы за крѣпость, боевые дни которой приходили къ концу; всѣ сознавали, что твердыня должна сдаться, но сдаться на почетныхъ условіяхъ для великаго русскаго народа...

Но вотъ снова гремитъ канонада и русскіе идутъ на бой, на послѣдній бой за родину, вѣру и Царя, идутъ одни, отрѣзанные отъ всего міра, но полные отваги и чувства исполненнаго долга. Слава имъ! Вѣчная память умершимъ!

КОНЕЦЪ.

Сканировал rediktorer rutracker.org

Украйна.

Я вновь на родинѣ... Открыты предо мной
Твои объятія, цвѣтущая Украйна!
О, какъ привязанъ я къ тебѣ, странѣ родной,
Гдѣ для меня ничто не тайна.
Люблю твоихъ степей безбрежныхъ кругозоръ,
Зеленые луга, желтѣющія нивы,
Курганы древніе, вершины синихъ горъ
Рѣкъ прихотливые извивы;
Вдоль береговъ люблю кудрявые лѣса,
Гдѣ лѣтомъ и весной не умолкаютъ птицы;
Твои глубокія, какъ море, небеса
Въ сіяньѣ золотомъ денницы.
Люблю въ тѣни садовъ вишневыхъ хутора,
Хатенки чистыя изъ хвороста и глины
И въ видѣ пестраго предъ окнами ковра—
Гвоздики, макъ и георгины.
Пѣвучій говоръ я люблю твоихъ сыновъ,
Патріархальные обычаи и нравы,
На улицѣ въ тиши румяныхъ вечеровъ
Дѣвичій визгъ и смѣхъ лукавый...
Попавъ на ярмарку, гдѣ, куплю-торгъ творя,
Народъ телѣгами заставилъ всѣ дороги,
Люблю захожаго послушать кобзаря
О томъ, какъ Лазарь жилъ убогій.
Вокругъ слѣпца толпа стоитъ, потупя взоръ,
Готовая ему внимать до поздней ночи...
А онъ поетъ подъ струнъ унылый переборъ,
Поднявъ слѣпыя къ небу очи...
Поетъ и плачетъ самъ... Не такъ-ли жизнь слѣпца
Горька, какъ Лазаря голоднаго, больного?
Не такъ-ли терпитъ онъ невзгоды безъ конца
И часто не имѣетъ крова?
Толпа растрогана... Завѣтныхъ струнъ души
Сумѣлъ коснуться онъ, пришлецъ чужой, безродный...
И въ чашку мѣдные, звеня, летятъ гроши—
Отзывчивости даръ народной!..
О, милый край! Тебѣ—мои привѣтъ, любовь...
Въ покоѣ селъ твоихъ, среди людей смиренныхъ
Я духомъ просвѣтлѣлъ, я ожилъ сердцемъ вновь
Для грезъ и пѣсенъ вдохновенныхъ...

Евг. Богославскій.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Врага поджидаетъ. (Къ рисун. на стр. 417.) Угрюма манчжурская степь. Безлѣсная, съ сопками, повсюду разбросанными по степи, она тяготитъ человѣка, попавшаго въ нее. Родной эта степь является лишь для нашихъ отрядовъ, прибывшихъ въ Манчжурію изъ дебрей Дагестана. Привыкшіе къ своимъ каменистымъ утесамъ, дагестанцы живо ориентировались въ Манчжуріи. Вотъ одинъ изъ нихъ, отставши отъ отряда, остановился среди безмолвной пустыни и чутко прислушивается. Привычное ухо горца разобрало доносившійся издалека топотъ лошади. Вскинувъ для прицѣла ружье, дагестанецъ пристально всматривается въ даль и ждетъ врага, который, ничего не подозрѣвая, скоро-скоро долженъ появиться изъ-за пригорка. Вотъ врагъ уже близко, уже видна его черная фуражка съ желтымъ околышемъ. Дагестанецъ взвелъ курокъ и готовъ къ выстрѣлу. Гулко пронесется онъ по уснувшей степи, сотней эхо откликнется среди сопокъ и замретъ. Не сдобровать врагу, глазъ дагестанца вѣренъ и его выстрѣлъ не пропадетъ даромъ.

Молодая мать. (Къ рис. на стр. 425.) Благодаря неустаннымъ заботамъ и любви къ искусству мецената Третьякова, его картинная галлерея въ Москвѣ представляетъ изъ себя одно изъ богатѣйшихъ собраній живописи кисти великихъ мастеровъ. Отъ взора знатока Третьякова не ускользало ни одно произведеніе, отличающееся художественнымъ исполненіемъ. Годъ за годомъ обогащая свои залы произведеніями искусства, Третьяковъ, въ концѣ концовъ, создалъ настоящій художественный музей, въ стѣнахъ котораго нашли себѣ мѣсто работы Рѣпина, Крамского, Куинджи, Васильковскаго, Сверчкова, Пелевина и другихъ. Въ настоящемъ номерѣ журнала помѣщена гравюра съ картины Пелевина «Молодая мать». Сколько жизненной правды въ обстановкѣ, какъ чудно выписано дышащее счастьемъ лицо молодой женщины, убаюкивающей у своей груди любимаго первенца! Какая сила и экспрессія чувствуются во всей картинѣ Пелевина, сумѣвшаго выхватить прямо изъ жизни полную тихой прелести минуту величайшаго наслажденія для молодой матери.

Великій князь Василій Іоанновичъ принимаетъ иностранныхъ пословъ на охотѣ (Рис. на стран. 431.) Извѣстный историкъ Карамзинъ описываетъ встрѣчу великимъ княземъ иностранныхъ пословъ во время охоты; эта встрѣча описана со словъ барона Герберштейна, который разсказываетъ слѣдующее: «Мы увидѣли государя въ полѣ, оставили лошадей своихъ и приблизились къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осыпанной драгоцѣнными камнями шапкѣ съ золотыми перьями, которыя развѣвались вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подлѣ него ѣхали съ правой стороны царь казанскій Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой—два князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ сѣкиру, другой—булаву или шестоперъ; вокругъ болѣе трехсотъ всадниковъ. Предъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ въ кресла, призывалъ бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ». «Самые древніе князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе, любили звѣриную ловлю; но Василій,—говоритъ Карамзинъ,—едва-ли не первый завелъ псовую охоту—ибо россіяне встарину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими».

Кумушки. (Къ рис. на стр. 433.) Онѣ побывали въ городѣ, погуляли на базарѣ и, запасшись новостями для деревни, мирно направились домой. Версты уже три отошли онѣ отъ города, когда ихъ догналъ ихъ односельчанинъ и предложилъ подвезти. Усѣлись женщины въ телѣгу и пара сытыхъ лошадокъ быстро побѣжала по дорогѣ. Пыль столбомъ поднялась, какъ туманомъ заволокла и телѣгу, и крестьянина, и двухъ безъ устали судачащихъ кумушекъ. Застилаетъ пыль глаза кумушкамъ, набивается и въ ротъ, и въ носъ, а женщины, знай себѣ, разговариваютъ. Еще-бы! столько новостей наслушались въ городѣ, что и въ день другъ другу не перескажешь. Вотъ и поселокъ близокъ. Лошади, почуявъ жилье, прибавили рыси и дружно бѣгутъ. Не замѣтили кумушки за разговоромъ, что и къ дому подъѣзжаютъ, а все-таки всего одна другой не пересказала. Ну, да для разговоровъ время найдется—завтра праздникъ, выйдутъ онѣ на завалинку около своего дома, окружитъ ихъ толпа деревенскихъ женщинъ и поразскажутъ имъ кумушки всѣ новости, что привезли изъ города... Похлестываетъ мужичекъ лошадокъ и нѣтъ-нѣтъ да обернется къ своимъ пассажиркамъ, прислушиваясь къ ихъ неугомонной болтовнѣ. А домъ уже близко.

Во время недавняго затишья въ окопахъ. (Къ рис. на стр. 441.) Битва кончена. Утомленныя войска расположились въ окопахъ и отдыхаютъ. Послѣ гула выстрѣловъ, наступила сравнительная тишина, которую нарушаютъ одинокіе и безцѣльные выстрѣлы. Обстрѣлянные воины съ улыбкой слѣдятъ, какъ надъ ихъ головами рвутся снаряды, далеко не долетая до окоповъ. Правда, все-таки опасно выглядывать изъ-за загражденій: японская пуля не дремлетъ и можетъ сразу уложить смѣльчака, но такіе все-же находятся. Вотъ одинъ поднялся на валъ, высунулся и показываетъ японцамъ «носъ». Смѣются кругомъ, но все-же предупреждаютъ товарища не рисковать. Другой солдатикъ отъ бездѣлья занялся пусканіемъ змѣя. Бдительные японцы открыли по игрушкѣ залпы. Завыли шимозы, затрещала картечь, но неуловимый для прицѣла змѣй мѣрно колышится на фонѣ неба. Тихо и мирно въ окопахъ во время затишья. Но надолго-ли это затишье? Можетъ быть, завтра, а то и черезъ часъ будетъ данъ приказъ къ выступленію и снова заревутъ жерла орудій, затрещатъ ружья и тишь окоповъ нарушится падающими снарядами.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

Сенсаціонная новость!
АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть вмѣсто красныхъ и порщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa
Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой „Звѣзда“, какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ, Владимірская, 8.

N. 4711.
О-ДЕ-ЛИ
(Eau de Lys.)
БѢЛАГО, РОЗОВАГО И ЖЕЛТАГО
ЦВѢТОВЪ
всѣми признанное превосходное туалетное средство для мытья лица, для сохраненія свѣжести, молодости и для устраненія веснушекъ и всѣхъ нечистотъ лица.
ЛИЛЕЙНОЕ
МОЛОЧНОЕ
МЫЛО
savon au lait de Lys
ЧРЕЗВЫЧАЙНО НѢЖНОЕ
очень рекомендуемо для достиженія
БѢЛОЙ и НѢЖНОЙ КОЖИ.
Единственный фабрикантъ
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ
Кельнъ н./Рейнѣ и Рига.
Поставщикъ Двора
Его Императорскаго Величества.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“
только Михаила ЛЕБЕДЕВА 188
съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ совершенно въ нѣсколько
дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.
Иногородн. высылается съ пер., 2 кор.—1 р. 20 к., 4 кор.—1 р. 90 к. 5 кор.—2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52. Мих. Лебедевъ.

САМОПОМОЩЬ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ
ИСЦѢЛЯЮЩИМИ
БЕЗВРЕДНЫМИ ДЕШЕВЫМИ ЛѢКАРСТВАМИ.
КНИГУ. ПОПУЛЯРНАЯ ГОМЕОПАТІЯ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО СПОСОБА ЛѢЧЕНІЯ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ, въ 2-хъ частяхъ, съ лѣчебникомъ „ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ“, высылаетъ БЕЗПЛАТНО по полученіи 21 коп. марками на расх. перес. (заказнымъ 28 коп.) старѣйшая, основанная въ 1834 году
Центральная Гомеопатическая Аптека
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГОРОХОВАЯ, 15.
Существующая при Аптекѣ Лѣчебница Доктора Флеминга, дастъ иногороднимъ письменные совѣты (неимущимъ безплатно).

ТРЕБУЙТЕ И УБѢЖДАЙТЕСЬ!

Вмѣсто 10 руб. только за 5 руб. 75 к. съ пересылкой высылаемъ двѣнадцать нижеслѣдующихъ предметовъ: 1) Мужскіе часы черн. ворон. стали, съ анкернымъ ходомъ, на камняхъ, заводъ безъ ключа, вывѣренн. до минуты, съ ручательствомъ на 6 лѣтъ. 2) Цѣпь настоящаго американск. золота панцырная. 3) Кольцо золотое 56 пр. массивное съ камнемъ. 4-9) 6 серебрян. 84 пр. брелоковъ разныхъ. 10) Кожаное портмонэ съ 5-ю отдѣл., замокъ механическ., содержащ. каучуковый штемпель для имени, отч. и фамиліи. 11) Карман. ножикъ съ 2-мя лезвеями наст. англійск. стали. 12) Мундштукъ-аппаратъ д-ра Коха, абсолютно очищаетъ табакъ отъ никотина и отъ всѣхъ вредныхъ веществъ. Требованія высыл. немедленно наложеннымъ платежомъ и безъ залатка. Адресовать. Торговой фирмѣ А. Ш. Каплань и К°, Варшава. Часы, по желанію, могутъ быть дамскіе. № 101 часы черн. ворон. стали глух., со всѣми приложеніями—6 руб. 75 к. № 102 часы плаке американск. зол. глух., со всѣми приложеніями—8 р. № 103 часы серебр. 84 пр., зав. ключ., съ 3-мя крышк., со всѣми приложеніями—9 р. № 104 часы серебр. 84 пр. 8-мидневный ходъ, со всѣми приложеніями—10 р. № 105 часы черные съ календаремъ, со всѣми приложеніями—8 руб. 204

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
А. СІУ и К°
Глицеро-вазелиновое мыло
Молодости.
МОСКВА. 20 коп. кус.

скрипки. ✳ гитары. ✳ мандолины. ✳ домры.

СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ СЫНОВЬЯМИ
С.-Петербургъ, Садовая, № 88.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 213
Органы. Граммофоны.
цитры. ✳ корнеты ✳ кларнеты. ✳ флейты ✳ гармоніи

Н. Феттеръ и Е. Гихкель.
Москва, Театральный проѣздъ, домъ Бахиной.
Поставщики Императорскаго Общества правил. охоты и его Новгородско-Тверскаго отдѣла. Единственные представители для всей Россіи оружейныхъ заводовъ И. П. Зауэра и сына въ Зулѣ, Г. Пипера въ Льежѣ, Акціонернаго Общества Маузера въ Оберндорфѣ, національной фабрики военнаго оружія въ Герстал-Льежѣ.
Иллюстрированный прейс-курантъ по первому требованію высылается безплатно.

CONSTIPATION
PILULES DE
CASCARA
MIDY Luidy
ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Дова: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ болей въ желудкѣ, ни тошноты.

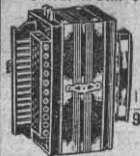
ОГРОМНУЮ ЭКОНОМІЮ.
ПРІЯТНѢЙШІЙ ВКУСЪ.
СИЛЬНЫЙ АРОМАТЪ
даетъ чистый Цейлонскій чай ЯНХАО. Это диковинно хорошій чай. Онъ имѣетъ пикантный вкусъ, сильнѣйшій настой и ароматиченъ какъ цвѣтущій померанецъ. Онъ выдерживаетъ всякую воду: рѣчную, колодезную и солончаковую. Онъ быстро разваривается и даетъ продолжительный настой и поэтому чрезвычайно экономиченъ. На Парижской выставкѣ 1903 г. эксперты признали его самымъ лучшимъ чаемъ и за его высокое качество намъ присудили золотую медаль. Если кто не пробовалъ этотъ замѣчательный чай, тому настойчиво совѣтуемъ его попробовать. Чай достоинъ всякаго вниманія и предпочтенія. Особенно рекомендуемъ его обществамъ трезвости, содержателямъ буфетовъ и чайныхъ лавокъ. Розничная цѣна чая 2 руб. за фун., а оптовая 1 р. 60 к. На пробу можно выписать хотя 1 фунтъ чая. Пробный фунтъ чая высылается во всю Европ. Россію и на Кавказъ за 1 р. 85 к., 3 фун. за 5 р. 25 к. и 5 ф. за 8 р. 45 к., при чемъ пересылка и всѣ расходы мы принимаемъ на свой счетъ. При покупкѣ 25 фунтовъ и больше особая скидка.
Склады чаевъ Московскаго купца И. Е. ДУБИНИНА МОСКВА, Покровка, д. № 55.
Подробный прейсъ-курантъ высылается всѣмъ по требованію.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.
БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.
ГАРМОНІИ
ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.
ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р. 8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.
АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА. УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
12 клап. 14 клап.
7 руб. 8 руб.
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
9. 50 к. 10. 50 к. 12 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
11 р. 50 к. 13 руб. 15 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.
По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейс-курантъ безплатно.

ТРЕБУЙТЕ! полнѣйшій оптовый и розничный иллюстр. прейсъ-курантъ издѣлій домашн. хозяйства и предметовъ роскоши. Высылаемъ по полученіи 2-хъ семикоп. марокъ. Адресовать: Универсальный складъ М. Гордонъ, Варшава, Огородная № 3. Фирма сущ. съ 1890 г. 202

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.
БАНКА 1 р. 90 к.

Сканировал readukorel
rutracker.org